

МВ и ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

ДИАЛЕКТИКА
ПРОГРЕССИВНОГО
РАЗВИТИЯ

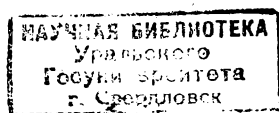
СВЕРДЛОВСК
1976

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Уральского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета имени А. М. Горького

В очередном, пятом, выпуске межузовского сборника «Категории диалектики» рассмотрено место категории развития в системе базисных категорий диалектики, ее отношение к категориям противоречия, движения (функционирования) и связи. Дана характеристика противоречивой сущности развития как исторического процесса. Прогресс рассматривается как важнейшая форма развития, как универсальная тенденция развития.

Анализ специфических закономерностей прогресса не входил в задачи колллектива авторов настоящего сборника.

Редакционная коллегия: *И. Я. Лойфман* (общая редакция), *В. И. Плотников* (отв. ред.), *Л. П. Туркин*

СУЩНОСТЬ РАЗВИТИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Среди многообразных по глубине, универсальности и бескомпромиссной остроте проблем современного научного знания проблема сущности развития, безусловно, занимает одно из важнейших мест. Здесь сконцентрированы наибольшие трудности познания («парадокс развития»), здесь находится фокус коренных различий в сфере методологии («две концепции развития»), здесь, наконец, скрываются истоки социального оптимизма или пессимизма — проблема судеб Вселенной, Земли, жизни, человеческого рода.

В советской философской литературе обсуждение феномена развития разворачивается на всех уровнях и применительно ко всем сферам объективного мира и его отражения¹. При этом все советские философы считают учение о развитии необходимым способом познания и революционного преобразования действительности, все они признают источником и движущей силой развития противоречие, признают объективный характер многообразия форм, в которых развитие реализуется. Такое мировоззренческое единство создает все условия и для выделения существа проблемы, и для многообразия подходов к ней. За разнообразием мнений и незавершенностью дискуссий нередко теряется основное проблемное содержание, порождающее необходимость в теоретическом синтезе и определяющее реальное движение совокупного философского знания. Попытаемся под этим углом зрения рассмотреть ситуацию, сложившуюся в философской литературе по проблеме развития, и, не претендуя на ее решение, определить возможные пути преодоления обозначившихся трудностей.

¹ Проблемы развития в природе и обществе. М.—Л., 1958; В. И. Свидерский. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965; М. Н. Руткевич. Диалектика прогрессивного развития. — В кн.: Диалектика и логика научного познания. М., 1966; С. Т. Мелюхин. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966; В. И. Столяров. Процесс изменения и его познание. М., 1966; В. А. Босенко. Диалектика как теория развития. Киев, 1966; Проблема развития в современном естествознании. М., 1968; Взаимосвязь категорий. Свердловск, 1970; Л. И. Шекина. Понятия «движение» и «развитие» и их роль в изучении физических процессов. М., 1970; Принцип развития. Саратов, 1972; Е. Ф. Солопов. Движение и развитие. Л., 1974; В. В. Орлов. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974; Проблемы диалектики, вып. 5. Современные проблемы теории развития. Л., 1975; Л. А. Петрушенко. Единство системности, организованности и самодвижения. М., 1975.

Внешняя сторона проблемной ситуации представлена в различных взглядах по вопросу о соотношении понятий «движение» и «развитие»: различаются ли эти понятия как общее и особенное, как «род» и «вид», или же оба они одинаково атрибутивны? В своей непосредственной форме различия мнений внутри каждой из спорящих сторон для нас сейчас несущественны

Если «движение» и «развитие» отличаются друг от друга по принципу общего и особенного, то не столь важно, выводим ли мы развитие из движения или движение из развития; усматриваем ли мы специфику развития только в «необратимости» или в «направленности». Важно, что различие это признается в первую очередь для объективного мира, что и требует особого категориального выражения. Активный поиск отличий развития от движения привел, однако, к парадоксальным результатам: с одной стороны, обнаружилось существенное разнообразие видов развития в неорганической, биологической и социальной сферах, что породило многообразие предположенных дефиниций; с другой — выявилась явная неуловимость переходов от движения к развитию, их несомненная тождественность по отношению к одному и тому же реально существующему феномену — изменчивости объективного мира. Осознание этого факта и порождает другой подход к проблеме развития.

Различия в рамках второго подхода для нас пока также не имеют значения. Если считается, что движение и развитие атрибутивны, отражая одну и ту же объективную реальность, то внешне представляется не столь существенным, различаем мы эти понятия как «терминологические обозначения одной и той же категории» или как понятия, описывающие одно лишь движение знания, например, от явления к сущности. Важно, что различие следует искать в сфере всеобщего.

Активный поиск в этом направлении привел, тем не менее, к столь же парадоксальным результатам: с одной стороны, обнаружилось существенное тождество движения и развития по отношению к универсальной изменчивости объективного мира, что породило стремление «вывести» за пределы диалектики как логики «лишнюю» категорию; с другой — выявилась явная непродуктивность попыток построения диалектики как теории развития, игнорируя при этом конкретные области знания².

Позитивный смысл стремления категориально зафиксировать развитие как особый вид изменений — в опоре на конкретный материал, на реальные факты, на специальные дисциплины. Выявление действительных отличий физических, биологических, социальных процессов, их конкретная многоаспектность, их реальное многообразие, несводимое к «прогрессу», к «качественному обновлению», к «необратимым изменениям», или даже к «повышению степени целостности конкретных систем», — вот что заставляет настаивать на необходимости иметь в составе диалектики категории

² См.: «Философские науки», 1972, № 1, с. 182.

разные по содержанию, но тождественные по назначению, т. е. предназначенные отразить единство многообразия изменчивости объективного мира. Состав диалектики, богатство ее категорий, существенные различия между последними определяются сопоставлением с реальной действительностью, непосредственно изучаемой специальным знанием, без которого не может развиваться философия,— такова, по сути дела, та глубокая позитивная идея, которая объединяет сторонников первого подхода, несмотря на все имеющиеся между ними расхождения. Способ доказательства этой правильной мысли далеко не всегда, однако, носит философски-теоретический характер: прямое указание на единичные факты, нахождение (или ненахождение) специфики развития в мире геологических или биологических явлений (по отношению к движению) автоматически не превращает «движение» и «развитие» в элементы диалектики, не придает им еще статуса особых категорий в составе теории диалектики.

Стремление перейти от описания действительности к теоретическому ее объяснению составляет позитивную сторону противоположного подхода к развитию. Теоретическое осмысление диалектики, «очищение» ее от логически недопустимой многозначности, безусловно, необходимо, но оно порождает в ряде случаев и свою логику: покинув сферу прямого соприкосновения со специальным знанием, философ вынужден решать вопрос о категориальном статусе любого понятия путем одного лишь сопоставления с другими универсальными категориями. И если обнаруживается, что одна и та же объективная реальность (изменения) описывается двумя «совпадающими» понятиями, одно из которых еще не находит теоретически определенного места, такая «логика» сравнительно легко (путем одних рассуждений или историко-философских реминисценций) превращает «лишнее» понятие в пустую абстракцию, объявляет его способом описания «явлений», «синонимом», а другое понятие столь же легко экстраполирует на все многообразие «объективной реальности». Теоретическая строгость от этого, конечно, выигрывает, но... за счет методологического проигрыша. Конечно, нельзя отождествлять философское понятие развития с понятиями «социальный прогресс», «биологическая эволюция» или «структурное усложнение», на что справедливо указывает М. Л. Злотина³. Но столь же неверно, провозглашая методологическую значимость категории развития, фактически не видеть таковой. Что реально получает биолог или социолог от философского исследования, в котором место категории «движение» занимает категория «развитие» (называемое теперь «способом существования материи»), а понятие «движение» становится простым синонимом являющегося, но не сущностного?

Овладение философским наследием, в первую очередь богатейшим наследием классиков марксизма-ленинизма, является первым условием эффективности любых исследований по проблеме разви-

³ М. Л. Злотина. Развитие как мировоззренческая проблема. Киев, 1974, с. 20.

тия. Другими, специфическими и уже не столь обязательными условиями кажутся либо непосредственная опора на специальное знание (в особенности, если философское исследование разворачивается на материале одной, например биологической, науки), либо логическая «разборка» категорий, внесение необходимой теоретической строгости в их отвлеченный от непосредственной реальности смысл, построение систем взаимосвязанных и строго соотносительных философских понятий. В действительности последние два условия столь же всеобщи и обязательны для диалектико-материалистического понимания мира, сколь и первое. Абсолютизация одного из них может привести и приводит к искажению объективной действительности.

Вопрос о тождестве и различии категорий «движение» и «развитие» можно решить только теоретически и только опираясь на специальное знание.

Конечно, философское исследование изменяющейся объективной реальности должно разворачиваться в категориальных формах, объясняющих, а не описывающих многообразие изменчивости, но способы объяснения определяются запросами специального знания, а если говорить точнее — требованиями общественно-исторической предметной деятельности. С точки зрения теоретического постижения изменчивого объекта оба понятия — и «движение» и «развитие» (а не одно лишь «развитие») относятся «к той реальности, которая постигается лишь в сфере понятия»⁴, оба они одновременно являются поначалу абстракциями, которые могут быть наполнены конкретным смыслом лишь в процессе познания материи, ее особых форм и видов. Вот почему недопустим, на наш взгляд, отрыв философских исследований от специальных наук, которые опосредствуют отношение философа к живой действительности.

Таким образом, именно теоретические запросы специального научного знания вынуждают философию наполнять понятия «движение» и «развитие» все более богатым и многосторонним содержанием. Для философского знания это означает такое мысленное движение по объекту, которое ведет исследователя от явлений к сущности, от непосредственно данного к постигаемому в мышлении, от абстрактного к конкретно мыслительному, от действительного к возможному.

Кроме внешней стороны, связанной с пониманием отношения между категориями «движение» и «развитие», проблема развития имеет и внутреннюю сторону, не столь четко представленную в дискуссиях, но имеющую столь же антиномическое выражение в двух теоретических позициях. Речь идет о том конечном смысле, который вкладывается в понятие развития.

Особенностью первой точки зрения является признание принципиальной незамкнутости развития: развитие есть «бесконечное восхождение», «необратимый поступательный процесс», «качественное обновление», «направленный процесс» и т. д. Общим для

⁴ М. Л. Злотина. Развитие как мировоззренческая проблема, с. 20.

данной группы представлений является связь развития с таким его неотъемлемым результирующим свойством, каким является качественно новое, не содержащееся в исходных состояниях. Такой подход к развитию соответствует множеству фактов и хорошо выражает внутреннюю активность материи, ее самодвижение, «мучу материи», ее непрерывное обновление. Но в своем предельном выражении указанный подход, по мнению ряда ученых, неизбежно порождает представления об абсолютном Начале или Конце⁵.

Особенностью другой точки зрения является признание замкнутости развития в его предельно универсальном выражении: какие бы изменения в процессе развития любых явлений и форм ни происходили, все они лишь характеризуют бесконечность и вечность материи. С этой точки зрения развитие наилучшим образом выражается понятием «круговорот», внутренними моментами которого оказываются прогрессивные и регрессивные изменения, спиралевидность и необратимость. Такой подход, в свою очередь, соответствует множеству фактов, хорошо объясняет принципиальную неуничтожимость и несотворимость материи.

В своем предельном выражении и этот подход, однако, не свободен от трудностей и логических противоречий, порождая либо представление о неизменности (в аспекте развития) самого многообразия форм и состояний материи⁶, либо идею о несоответствии между смыслом понятий «круговорот» и «самообновление» материи.

Как представить себе единство вечного круговорота материи и принципиальной незамкнутости ее развития; непрерывности «процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему»⁷ и одновременно признания того, что «материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же»?⁸ Можно ли теоретически единым способом вывести все богатство форм развития, включая и исторически понимаемый круговорот и принципиально замкнутую на материи ее способность к порождению нового?

Ответ на все эти вопросы настоятельно требует понимания того, как рождается та или иная конкретная действительность, какими категориально всеобщими способами можно воссоздать объективный процесс развертывания сущности в ее являющиеся формы, воссоздать само движение от возможности к действительности, от абстрактного как элементарного, неразвитого к богатству конкретной реальности. Кроме обращения к реальности, кроме методологического анализа генезиса и развития форм действительного мира, изучаемых специальным знанием (происхождение звезд или планет, химических элементов или растений, ощущений или искусства), философия вынуждена ставить вопрос о посредствующих

⁵ Проблемы диалектики, вып. 5, с. 151.

⁶ Принцип развития, с. 59.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 276.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 363.

звеньях в движении самих универсальных категорий (в движении от возможного к действительному, от сущности к явлению), т. е. моделировать процесс как таковой. Будучи сугубо вспомогательной задачей, моделирование *процесса* временно превращает в абстрактные объекты все многообразие понятий, обозначающих изменчивость мира, заставляя выявлять среди них исходные (и потому наиболее абстрактные) и *как бы* выросшие из их основы более содержательные категории.

— Для совокупности понятий, обозначающих гигантское многообразие процессов объективного мира, исходной категорией, далее которой невозможно абстрагироваться, является категория «изменение». Специфика этой категории не только в ее простоте и содержательной бедности по отношению к другим, более «богатым» категориям («движение», «развитие», «возникновение», «превращение» и т. д.), но еще и в особом отношении к объективному миру. Любые категории диалектики должны пониматься гибко и подвижно через взаимосвязь и взаимодействие с другими. Однако объективная реальность хотя бы на миг может быть «остановлена», «схвачена» в тех категориях, которые способны отразить результат движения, его хотя бы временную устойчивость. «Изменение» в принципе не может быть понято подобным образом; к тому же оно не может быть определено (во всяком случае, поначалу) и через свои развитые модификации (например, «превращение» или «движение»). На первый взгляд, кажется, что изменение вообще неопределимо как таковое. И тем не менее диалектика находит способ отразить объективную текучесть процесса. Существо категориального выражения объективно происходящего изменения глубоко и точно вскрыто Ф. Энгельсом: «Постоянное изменение, т. е. снятие абстрактного тождества с самим собой»⁹. Иначе говоря, изменчивость объективного мира, обозначаясь одним и тем же понятием («изменение»), требует во всяком ином отношении обязательного снятия «абстрактного тождества с самим собою», что возможно сделать лишь логически, путем введения особых понятий, совпадающих и не совпадающих друг с другом, переливающихся одно в другое, т. е. «связывающихся» воедино и тем самым создающих гносеологическую возможность отразить изменение как процесс.

Основными категориями, создающими возможность понять изменчивость как процесс, как «беспокойство», как неустойчивость существующего, и являются «противоречие», «движение», «развитие» и «связь». В самом абстрактном смысле понятие «движение», «развитие» есть способы конкретизации понятия «изменение», моменты последнего, логические средства, создающие гносеологическую возможность выразить объективную диалектику изменяющейся действительности. Будучи тождественными по отношению к единому родовому понятию «изменение», движение и развитие выступают как существенные различия в рамках тождества. Это различие интуитивно схватывается в специальных науках, но может

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 530.

быть осознано лишь диалектикой как логикой и теорией познания. Так снимается, на наш взгляд, трудность соотносительного понимания движения и развития, в качестве универсальных категорий логически и гносеологически обозначающих одну и ту же объективную реальность — изменение.

Если по отношению к бесконечной материи движение может рассматриваться только как способ существования, не имеющий ни начала, ни конца, то по отношению к универсальной изменчивости движение должно иметь не только сущность, но и мерную характеристику. В качестве абсолютного начала движения как момента всякой изменчивости выступает, на наш взгляд, раздвоение единого, с которым В. И. Ленин связывал, как известно, суть диалектики¹⁰.

Понятое конкретно-исторически раздвоение единого есть начало противоречия каждого отдельного предмета. Применительно к универсальной изменчивости раздвоение единого есть абсолютное начало всякого отдельного изменения как внутренней способности материи к вечному самодвижению. Если движение есть способ существования единой, всеобъемлющей и универсальной материи, то внутреннее содержание этого движения как всякого изменения, его из себя рождающаяся определенность есть раздвоение единого. С другой стороны, в раздвоении единого скрывается самая глубокая и вместе с тем наиболее абстрактная (бедная определениями) суть развития, выражаемая этимологией этого слова¹¹.

В. А. Босенко справедливо подчеркивает одинаковую предельную общность и движения и развития, но, считая развитие сущностью движения, явно не логичен: сущностью не только движения, но и развития, абсолютным началом того и другого, является раздвоение единого, а в таком случае правомерно стремление понять объективное (а не только гносеологическое) несовпадение движения и развития.

Раздвоение единого, отнесенное к универсально существующей материи и понятое в качестве вечно действующего механизма любых возникающих изменений, несоразмерно по своему непосредственному результату: на одном полюсе может возникнуть лишь уникальность (абсолютно единичное изменение), отличающаяся от всего остального каким угодно по содержанию моментом несовпадения, а на другом полюсе — множество изменений, т. е. также неразличимая по своему содержанию совокупность «всего остального». Уникальность и множество абсолютно исключают друг друга, выступая по отношению к своему другому в качестве единственного определения, а по отношению к универсальному изменению — в качестве являющегося, и в этом смысле нового.

Если рассматривать изменчивость на самом абстрактном уров-

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 232.

¹¹ В немецком языке развитие (Entwicklung) означает «развертывание свернутого»; в русском языке это слово обозначает действие, направленное на то, что «свито», «сплетено», «скручено», но обратное по своему внутреннему смыслу.

не, предполагая при этом наличие единого основания и единый способ извлечения из свернутого богатства универсальной изменчивости ее конкретного содержания, то уже на этом уровне обнаруживаются существенные различия между двумя типами изменений.

Одним моментом изменчивости, возникающим в процессе внутреннего раздвоения, может быть уникальность, т. е. та абсолютная неповторимость единичного изменения, которое *реально* порождается своеобразным сочетанием условий, временной последовательностью событий, их многосторонней детерминацией. Уникальность как таковая, будучи абсолютной формой нового, вместе с тем непосредственно из себя к дальнейшему повторению (раздвоению единого и в этом смысле — развитию) не способна. Уникальность тем не менее остается изменением и в этом смысле тем самым движением — неразвитием, объективное существование которого подчас отрицают. Сущностью этого особого типа изменения является непосредственный и вечно новый (уникальный) переход от раздвоения единого к соединению противоположностей, т. е. движение и «есть само существующее противоречие»¹². Для того, чтобы новая уникальность возникла как таковая как особая и вместе с тем всеобщая форма изменения, а вместе с тем было воспроизведено противоречие, необходимо новое раздвоение единого. Развитие, таким образом, оказывается обязательным условием движения.

Другим, противоположным по своей сути, моментом изменчивости является множество изменений как свернутое единство повторяющегося. Эта форма изменчивости кажется независимой от уникальности, поскольку сама ее детерминирует. На деле это не так. Во-первых, *повторяющееся раздвоение единого* есть лишь элементарная форма развития, его наиболее глубокое основание, т. е. сохранение единого и в этом смысле постоянное воспроизведение себя как возможности обновления. Во-вторых, связь повторяющегося раздвоения единого с уникальным изменением закономерного приводит к воспроизведению уникального в его особой форме, в форме *возникновения*.

Если повторяющееся раздвоение единого есть универсальная начальная форма развития, то возникновение есть ее специфический результат. Возникновение соединяет движение и развитие, повторяемость и неповторимость, элементарную связь и способность выхода за ее пределы. Тем самым возникновение становится основанием дальнейшего движения, уникальной свернутой формой бытия (связи), из которой в дальнейшем развитие вычерпывает все ее противоречивое содержание.

Проблема возникновения есть особая тема, требующая глубоких и всесторонних исследований. В данном случае важно отметить, что возникновение есть такой уникальный способ сцепления, такой вид устойчивой связи, который способен к существованию (движе-

¹² Гегель. Соч., т. 5. М., 1937, с. 521.

нию) только через развитие как внутренне детерминированный процесс.

Возникновение и есть превращение раздвоения единого в свернутое внутреннее противоречие. Противоречие, ставшее внутренним, сохраняет свое основание в отдельном, а не раздваивает его, что еще возможно в сфере универсума. Собственно основание и становится самим действующим противоречием, непрерывно воспроизводящимся и обеспечивающим бытие вещи. Возникновение выступает поэтому в сфере универсальных категорий формой перехода от возможного к действительному, от сущностного к непосредственно проявляющемуся вовне.

Если повторяющееся раздвоение единого может быть понято как *универсальная*, а возникновение — как *виртуальная* формы развития, то проявляющаяся в действительности, непрерывно воспроизводимая, превращенная их форма может быть названа *актуальной* или собственно развитием. Превращенной эта форма будет только в сфере универсальных категорий, моделирующих объективную реальность. В самой непосредственной реальности развитие всегда конкретно, возникая и обнаруживаясь на основе внутреннего противоречия, определяющего непрерывность возникновения и уничтожения, становления и прехождения, преемственности и отрицания.

Подведем некоторые итоги

Наиболее трудным вопросом всей проблемы развития является вопрос о том, как возможно возникновение. И методологически (в сфере универсальных категорий), и научно-теоретически (в сфере понимания происхождения основных форм движения материи), и практически (в сфере социального творчества) проблема возникновения, безусловно, может быть поставлена и решена. Одним из обязательных условий ее решения является, на наш взгляд, понимание всякого возникновения как такого уникального сцепления (структурирования) результатов повторяющегося развития в недрах старого основания, которое актуализируется в способности к самодвижению. При таком подходе к возникновению отпадает необходимость в предположениях о наличии в недрах старого «теневых систем»¹³ непонятной природы, теоретически лишаящих материю ее способности к любым превращениям, а методологически ориентирующих исследователя на поиск элементов нового в старом, что и создает искусственную ситуацию «парадокса развития».

Как показывает, например, анализ взаимодействия социальной и биологической форм движения материи, высшее, возникая из низшего, отнюдь не предполагает наличия в низшем некоторой совокупности элементов, составляющих «теневую систему». Возникновение социальной системы в ее элементарной форме означает появление не только структуры, но и основных элементов, которых нет

¹³ В. В. Орлов. Парадокс теневой системы.— В сб.: Философия пограничных проблем науки, вып. 4. Пермь, 1970; *Он же*. Материя, развитие, человек.

в низшей системе, или, точнее,— в старой системе существуют другие элементы, по-иному структурированные. До возникновения первобытного стада формирующихся людей ни о каких «зачатках» («элементах») социальности, труда и мышления не может быть еще речи. Само же первобытное стадо уже не есть «теневая система», оно есть новая, хотя и неразвитая еще система, в процессе самодвижения которой формируется не только человек, но и общество. С другой стороны, каждый шаг высшего отнюдь не может быть обоснован соответствующим шагом низшего. Основание развития всякое возникшее несет в самом себе: это основание есть непрерывно воспроизводящееся во времени внутреннее противоречие нового, определяющее его самодвижение. Актуальное отношение низшего и высшего (например, биологического в условиях развитой социальной действительности) есть сопряженность двух рядов закономерных связей, их гибкое взаимодействие. Низшее в составе высшего к тому же вовсе не сохраняет своей природы — оно еще и видоизменяется до неузнаваемости. Например, биология человека в результате воздействия со стороны труда приобретает уникальный характер, становясь тем самым исключением из правила, которое подтверждает правило и дает ключ к его пониманию. Именно в этом буквальном смысле (а не только переносном) анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны.

Установление момента и конкретного механизма возникновения всякого предмета является критерием развития, столь же объективным и всеобщим, как информационный. Генетический критерий развития, в определенном аспекте включая в свое содержание информационный¹⁴, может служить достаточно эффективным методологическим средством познания конкретной действительности, способным стать «руководством к изучению», а не «рычагом для конструирования на манер гегельянства»¹⁵. Построение моделей универсальной изменчивости имеет, конечно, ограниченный смысл: пытаться вывести отсюда всю категориальность, отражающую многообразие форм движения, развития и связей, означало бы построение искусственной схемы, абстрактной конструкции, спекулятивность которой возрастала бы тем быстрее, чем более разветвленным и многоаспектным выглядело бы подобное «построение». Понимая всю искусственность построения подобного рода моделей, необходимо видеть, что без этих орудий теоретической деятельности обойтись все же нельзя, как невозможен вне орудийной деятельности любой труд. Важно лишь рассматривать всякую такую модель в качестве вспомогательного средства познания действительности, проверяя ее близость к реальности путем непосредственного сопоставления с тем, что В. И. Ленин называл «живой жизнью».

¹⁴ См. напр.: Г. Кастлер. Возникновение биологической организации. М., 1967.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 371.

РАЗВИТИЕ КАК БАЗИСНАЯ КАТЕГОРИЯ ДИАЛЕКТИКИ

Категория развития принадлежит к числу фундаментальных категорий марксистской диалектики. Известно, что Ф. Энгельс определял диалектику как науку «о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»¹. В. И. Ленин характеризовал диалектику «как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии»². Разработка методологически эффективного понимания категории развития является в настоящее время важной проблемой теории диалектики. Об актуальности этой проблемы свидетельствует, в частности, весьма разноречивая трактовка в современной философской, в том числе учебной, литературе специфического содержания категории развития, ее соотношения с такими категориями, как движение, прогресс и др.³ Мы ставим своей задачей обсудить методологические предпосылки определения категории развития по ее месту в системе базисных категорий диалектики.

Как и всякая научная теория, материалистическая диалектика является системой, содержание которой может быть развернуто на разном уровне абстракции. Элементами логической системы диалектики, ее структурными единицами являются принципы, категории (точнее, категориальные пары) и законы, причем принципы диалектики включают в свое содержание соответствующие категории, а в каждой паре полярных категорий диалектики выражен закон организации, функционирования и развития материальных систем, содержатся в свернутом виде принципы диалектики в их внутреннем единстве⁴. Внутренняя связь элементов диалектики служит основой развертывания их содержания. Поэтому для выявления объективного содержания какой-либо категории, в том числе и категории развития, необходимо раскрыть ее отношение к принципам диалектики, выявить ее место в общей системе категорий диалектики, установить ее связь с законами диалектики.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 145.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 53.

³ См.: Е. Ф. Солопов. Движение и развитие. Л., 1974.

⁴ См.: И. Я. Лойфман. Единство и взаимопроникновение полярных категорий диалектики. — В кн.: Взаимосвязь категорий. Свердловск, 1970.

В. И. Ленин говорил, что «категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая*), исходя из простейших основных»⁵. В литературе, посвященной систематизации категорий диалектики, предлагаются различные варианты развертывания теоретического содержания диалектики, обсуждается вопрос о простейших основных категориях диалектики, об основной «клеточке», содержащей зародыш всей системы.

Так, для одних авторов вывод категорий диалектики означает воспроизведение истории движения мысли к объекту (А. П. Шептулин), для других — воспроизведение логики движения мысли к объекту (В. Н. Сагатовский), для третьих — воспроизведение системы атрибутивных связей объекта (В. П. Бранский). Существование гносеологической и онтологической детерминации взаимосвязи категорий несомненно. Поэтому каждый из названных подходов вполне правомерен и раскрывает определенный аспект содержания и взаимной связи категорий. В этом отношении указанные подходы дополняют друг друга. Можно также отметить, что они переплетаются между собой, так как логическое представляет собой «исправленное» историческое, а категориальные отражения объекта являются ступеньками его познания. Следует, однако, подчеркнуть, что развертывание содержания категорий (вывод категорий) в рамках истории диалектики или логики научного познания отличается от вывода категорий в теории диалектики. В последнем случае вывести категорию — значит развернуть ее содержание в системе определений.

Дискуссионной в теории диалектики является также проблема исходных, базисных категорий диалектики. А. П. Шептулин начинает изложение категорий диалектики с категорий отношения и связи, движения и развития⁶. Согласно В. С. Библеру, всю категориальную систему диалектики пронизывают такие категории, как движение (изменение, развитие), противоречие, закон, закономерность⁷. В. П. Бранский, а также Д. И. Широканов внутренней основой диалектики считают противоречие между явлением и сущностью⁸. По мнению В. Н. Сагатовского, строить систему всеобщих категорий следует на основе минимума неопределяемых категорий, который включает пять категорий: элемент, множество, бытие, небытие, изменение⁹.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 86.

⁶ См.: А. П. Шептулин. Категории диалектики. М., 1971.

⁷ См.: В. С. Библер. О системе категорий диалектической логики. Сталинабад, 1958.

⁸ См.: В. П. Бранский. Философское значение «проблемы наглядности» в современной физике. Л., 1962, с. 28—83; В. П. Бранский, В. В. Ильин, А. С. Кармин. Диалектическое понимание материи и его методологическая роль. — В кн.: Методологические аспекты материалистической диалектики. Л., 1974; Д. И. Широканов. Взаимосвязь категорий диалектики. Минск, 1969.

⁹ См.: В. Н. Сагатовский. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973.

Нетрудно заметить, что к базисным категориям диалектики большинство авторов относит категории, тяготеющие к принципам диалектики. На наш взгляд, эту правильную тенденцию следует провести последовательно, ясно осознав, что принципы диалектики в их взаимосвязи фиксируют основные аспекты предмета диалектики и вместе с тем основные аспекты диалектического противоречия, которое, по В. И. Ленину, есть суть, ядро диалектики. Напомним, что К. Маркс считал удачным следующее описание диалектического метода, данное одним из рецензентов «Капитала»: «Для Маркса важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И при том для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому»¹⁰. Ф. Энгельс так пишет о диалектике в целом: «Для диалектики же... существенно то, что она берет вещи и их умственные отражения в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении»¹¹. Можно сказать, что основоположники материалистической диалектики вычленяют три основных аспекта предмета диалектики: 1) взаимные связи вещей и явлений, их организацию, форму; 2) движение в рамках определенного уровня организации, функционирование вещей и явлений; 3) возникновение и исчезновение вещей и явлений, переход от одной формы к другой. Указанные аспекты вскрываются во всяком диалектическом противоречии как всеобщие аспекты соотношения противоположностей, их единства и «борьбы». Это экстенсивный аспект противоречия, или аспект связи (организации) — взаимоположение противоположностей, их тождество и различие; это, далее, интенсивный аспект противоречия, или аспект движения (функционирования) — взаимодействие противоположностей, их устойчивость и изменчивость; это, наконец, исторический (генетический) аспект противоречия, или аспект развития — взаимопереходы противоположностей, их преемственность и отрицание. Следует отметить, что в основных аспектах материалистической диалектики воспроизводится закономерный переход от одной ступени, уровня рассмотрения предмета к другому, более высокому. В свою очередь логика диалектики сжато повторяет ее историю. Если диалектика как концепция отношений и связей возникает в древности, то в новое время складывается диалектическая концепция движения, а в XIX в. — диалектическая концепция развития¹².

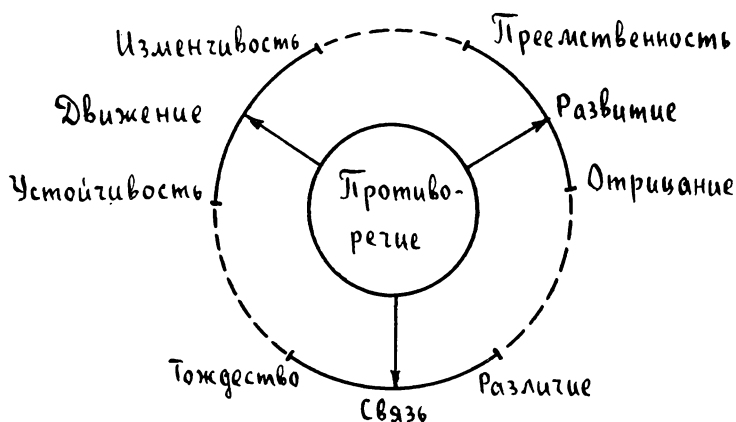
Как явствует из изложенного, базисными категориями диалектики являются следующие категории: противоречие как первоэлемент диалектики, связь как единство тождества и различия,

¹⁰ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 20.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 22.

¹² См.: З. М. Оруджев. Диалектика как система. М., 1973, гл. 2, § 2.

движение как единство устойчивости и изменчивости и развитие как единство преемственности и отрицания¹³. Взаимосвязь базисных категорий (и соответственно принципов диалектики) дает наиболее абстрактное представление диалектики в целом. Схематически эта связь может быть представлена следующим образом:

Развертывание содержания диалектики в систему категорий и, далее, в систему законов возможно по трем основным направлениям: диалектика в целом может быть раскрыта как концепция связи, как концепция движения (функционирования) и как концепция развития. Как подчеркивает М. Н. Руткевич, изложение диалектики, основанное на взаимосвязи ее основных принципов, «отображает некоторые существенные черты структуры диалектики как научной системы и через последнюю отображает взаимосвязь существенных черт реального мира»¹⁴. Развитие диалектики от исходной «клеточки» до «развитого тела», в каком бы из указанных направлений оно ни осуществлялось, есть восхождение от абстрактного к конкретному. «В этом отношении ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу»¹⁵.

На наш взгляд, исходный пункт в развертывании содержания категории развития заключается в соотношении ее с ядром диалектики. На этом этапе вскрывается самое простое, самое абстрактное и всеобщее отношение развития — отношение преемственности и отрицания. Единство преемственности и отрицания есть определяющая черта и самая общая закономерность развития как исторического изменения. «Всякое развитие, независимо от его содержания, можно представить, — писал К. Маркс, — как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом,

¹³ Ср. замечание Гегеля о том, что «каждая категория антиномична». (Гегель. Соч., т. 1, с. 97).

¹⁴ М. Н. Руткевич. Диалектический материализм. М., 1973, с. 291.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 728—729.

что одна является *отрицанием* другой... Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»¹⁶. Но это не голое отрицание, а «отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного»¹⁷. В единстве преемственности и отрицания ведущая роль принадлежит отрицанию как тенденции обновления, преемственность же выражает тенденцию сохранения, воспроизведения сущности развивающейся системой. При этом в закономерном сращивании старых форм новым содержанием, в закономерности отрицания старого новым обнаруживается момент преемственности, возникновения существенной основы нового, сохранения развивающейся сущности. В свою очередь, преемственная связь старого и нового оказывается результатом превращения в свое иное, в собственную противоположность, т. е. включает момент самоотрицания, уничтожения существенной основы старого, развития сохраняющейся сущности.

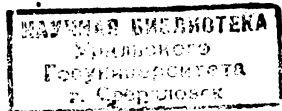
71867818 Абсолютизация преемственности, непрерывности в развитии проявляется в трактовке развития как простого роста, как повторения, как целенаправленного процесса, исключающего скачки и перерывы постепенности, возникновение качественно новых форм (видообразование по Ж. Б. Ламарку, преформизм, эволюционизм Г. Спенсера, неомогенез, эволюция Вселенной по П. Тейяру де Шардену и др.). Абсолютизация отрицания, прерывности в развитии проявляется в трактовке развития как ряда качественных скачков без каких-либо предшествующих количественных изменений, как творения новых форм, не содержащих никаких элементов старого, как чисто случайного процесса, лишённого единства и какой-либо направленности (творение видов по Ж. Кювье, творческая эволюция А. Бергсона, мутационизм, негативная диалектика Т. Адорно и тотальное отрицание Г. Маркузе, структурный историзм К. Леви-Стросса, научные революции по Т. Куну и др.). Таким образом, антидиалектическая трактовка отношения преемственности и отрицания ведет к одностороннему, упрощенному концепциям развития, которые не только переносят источник развития «во вне» (В. И. Ленин), но по сути дела отвергают какое бы то ни было подлинное развитие.

Дальнейшие свои определения категория развития получает в системе базисных категорий и далее в диалектической концепции развития. Обоснованно критикуя распространенную трактовку развития как частного вида движения, Е. Ф. Солопов полагает, что в рамках диалектики понятия движения и развития целиком и полностью совпадают¹⁸. На наш взгляд, совпадая по объему, эти понятия различаются по содержанию — как абстрактное и конкретное определения всякого процесса. Аналогичный характер имеет и различие понятий отношения, связи и взаимодействия.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 296—297.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

¹⁸ См.: Е. Ф. Солопов. Движение и развитие, с. 96—97.

В ряду категорий «связь — движение — развитие» категория связи является наиболее простой и абстрактной, а категория развития наиболее сложной и конкретной. Движение вдоль этого ряда есть поэтому восхождение от абстрактного к конкретному. В этом плане развитие есть наиболее богатая, историческая связь и наиболее богатое, историческое движение.

Отдельные явления, взятые в их исторической связи, т. е. в развитии, выступают как звенья, узловые пункты единого, закономерного процесса (химические элементы — узлы истории вещества, биологические виды — узлы истории жизни, общественно-экономические формации — узлы истории общества и т. д.). Само развитие при этом определяется как узловая линия мер, что позволяет «*точнее*» понять эволюцию как возникновение и уничтожение всего, как взаимопереходы¹⁹. Более точное понимание развития как связи, т. е. более глубокое раскрытие его сущности, достигается в определениях развития как превращения одного в другое, как саморазвития, как закономерного появления новых возможностей и их превращения в действительность и т. д.

Историческая трактовка движения (функционирования) означает, что в любой конкретной системе процессы функционирования и сохраняющие систему обратимые изменения включены в процессы, необратимо ведущие к ее переходу в иные системы. Отдельные формы движения материи возникают и исчезают, и этот вечный процесс «дифференциации движения» (Ф. Энгельс) идет по восходящей или по нисходящей линиям, которые смыкаются в круговороте материальных форм. Мировой процесс движения не является односторонним, не имеет какого-либо предопределенного стремления от низшего к высшему или от высшего к низшему. В свете современной науки его можно представить как статистически сотканную сеть разномасштабных круговоротов материи, охватывающих отдельные вещи, классы вещей, формы движения материи. Развитие как историческое движение, в какой бы форме оно ни выступало, есть спиралевидный процесс, единство обратимости и необратимости, относительной завершенности и непрерывного обновления, прогрессивной и регрессивной тенденций (направлений) изменения и т. д.

Итак, характеристика развития как базисной категории диалектики совпадает с развертыванием содержания диалектики в целом. Поэтому выразить в одной дефиниции многообразные аспекты развития невозможно. Но вполне возможно и необходимо в системе определений развития, фиксирующих его существенные признаки, выделить одно из них в качестве исходного. Таким определением (на основании вышеизложенного) будет характеристика развития как единства преемственности и отрицания, как исторического изменения.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ РАЗВИТИЯ

Диалектика как логика и методология есть наука о наиболее общих, универсальных способах освоения человеком материальной и духовной действительности. Вместе с тем правильная система действий с предметами в той или иной мере согласуется с законами бытия этих предметов, моделирует доступный действительности их «срез» и придает продуктам познания истинностное значение. Поэтому диалектика как логика в то же время является и «картиной мира». Такая двойственная трактовка сущности диалектической логики вытекает из знаменитых ленинских замечаний: «практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики»¹, и в то же время «самые обычные логические «фигуры» ...самые обычные отношения вещей»². Экспериментальное подтверждение этих идей В. И. Ленина дано, например, Ж. Пиаже, который показал, что логика изучает прежде всего «абстракции от самих действий и их координации»³. Хотя В. И. Ленин и Ж. Пиаже имели в виду логику формальную, их выводы можно отнести и к логике диалектической. Последняя тоже исследует исторически сложившиеся универсальные способы действий, но способы иные, нежели те, которые фиксируются формально-логической рефлексией. Попытаемся в первом приближении проанализировать операциональное содержание описывающих развитие категорий, почти не исследованное в философской литературе.

Всякое знание, в том числе и знание философское, есть сплав из далеко не всегда совпадающих друг с другом операционального и предметного значений⁴. Чем глубже человеческая деятельность осваивает объект, тем точнее совпадение предметной и операциональной сторон знания. Решить, что в сплаве предметного и операционального значений в знании обусловлено нашей деятельностью, а что — самими вещами, позволяет только последую-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 198.

² Там же, с. 159.

³ Ж. Пиаже. Роль действия в формировании мышления. — «Вопросы психологии», 1965, № 6, с. 50.

⁴ См.: Д. В. Пивоваров. Предметность и операциональность научного знания — В сб.: Объективное содержание научного знания. Свердловск, 1975.

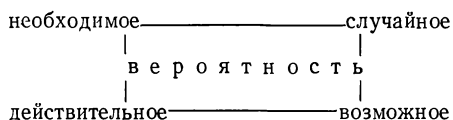
щий прогресс науки. Актуально же, независимо от того, осознается это обстоятельство учеными или не осознается, законы и категории диалектики заключают в себе и такое содержание, которое детерминировано спецификой человеческого бытия. Именно поэтому совокупное философское знание является квинтэссенцией эпохи и нередко черпает из требований эпохи решающие аргументы в пользу той или иной концепции мироздания. Например, лет двадцать тому назад концепция однонаправленности всего мирового развития на человека подспудно выражала требование считать человека превыше всего, «вершиной конуса развития». В эпоху же намечающегося экологического кризиса получает развитие противоположная концепция диалектического круговорота материи, в которой несколько иначе трактуется проблема подчинения природы человеку и сущность гуманизма.

Каждая пара категорий непосредственно выражает специфический и в то же время универсальный способ практического или производного от практического мысленного обращения с действительностью. Опирируя какой-либо конкретной парой категорий, субъект мысленно расчленяет предмет или реальность в целом на две противоположности. Сумма полученных частей в полном объеме представляет определенный срез реальности и становится абстрактным объектом диалектического рассуждения. Если, например, человек ищет скрытые от непосредственного взгляда глубинные и закономерные связи вещей, этот его тип деятельности в конечном случае интериоризируется в понятие «сущность». Сопутствующий тип деятельности, связанный с фиксацией непосредственно наблюдаемого в вещах, порождает понятие «явление». Аккумулируя в себе прошлую схему действия, категория диалектики обретает методологический «заряд», определяя согласно этой схеме процессы исследования новых объектов.

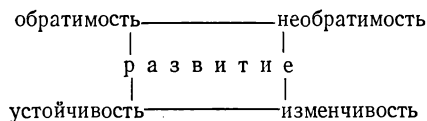
Все пары категориальных операций, каждая из которых по своему препарирует объект и генерирует соответствующий характеру деятельности субъективный образ объекта, в какой-то мере тождественны, так как в их структуре (хотя и по-разному) моделируется одна и та же реальность. Поэтому каждая пара категорий не только рядоположенно дополняет иные пары, но и частично совпадает с ними по своему содержанию. Это позволяет, во-первых, связывать воедино информацию, получаемую при оперировании диалектическими категориями, как информацию об одной и той же действительности, а во-вторых, определять одну категорию через другую. Совокупный мысленный образ объекта, возникающий из набора категорий диалектики, не есть некая мозаика признаков. Образ в значительной мере целостен, подобно тому, как целостно чувственное восприятие предмета, составленное из различных модальностей — цвета, звука, запаха, вкуса.

Предмет отображается в разных категориальных парах по-разному. В зависимости от избранного дихотомичного способа действия с ним, от его «сечения», возникают своеобразные абстракт-

ные объекты, которые в процессе определения философских понятий мысленно уравниваются: A и не- $A=B$ и не- B , где A и B — категории. Важно подчеркнуть, что уравниваются при этом не отдельно взятые категории, а пары категорий, т. е. нечто третье, что не сводится к каждому порознь взятому элементу пары. Это третье представляет собой интервалы, границы применимости той или иной пары диалектико-логических приемов, за которыми вступают в силу уже иные действия с тем же объектом. Скажем, рассуждая о необходимом и случайном в процессе развития объекта, мы рано или поздно обращаемся к иному типу действия, например, к тому, который закреплен в категориях возможного и действительного. Границы анализа в рамках первого и второго способов действий смыкаются на категории вероятности, не имеющей своего антипода. Вероятность определяется в связи с этим как мера необходимого в возможном⁵, т. е. посредством пересечения между собой категориальных пар:

Категории диалектики подразделяются на парные и непарные. Непарные категории (вероятность, закон, мера и т. д.) представляют собой, на наш взгляд, интервалы, в которых применим один тип дихотомического оперирования с реальностью, а по выходе из них вступают в силу уже иные способы анализа. Категория развития относится к числу категорий, не имеющих своих антиподов. Какие мысленные дихотомические операции мы проделываем, когда говорим о развитии? Чаше всего при этом применяются две пары категорий: «обратимость — необратимость» и «изменчивость — устойчивость». Категория развития возникает на перекрестном их пересечении как мера необратимого в устойчивом (повторяющемся, цикличном):

Развитие связывает воедино эти категории, отображая одну из сторон всякого изменения.

Можно ли сегодня построить логически непротиворечивую систему категорий, характеризующую развитие всесторонне — и как процесс превращения возможности в действительность, и как взаимосвязь необходимости и случайности, качества и количества, как проявление диалектически противоречивой неравновесности

⁵ См.: М. Н. Руткевич. Диалектический материализм. М., 1973, с. 452.

Таков, на наш взгляд, постоянно изменяющийся процесс насыщения категории развития операциональным содержанием, заимствованным из всего арсенала категорий диалектической логики. Чем богаче категориальные связи и отношения, в которые втягивается категория развития, чем больше она сопряжена с конкретнаучным материалом, тем более точной моделью объективных процессов развития она становится.

Последовательность категорий диалектики, выбранная для отображения процессов развития, predetermined как конкретнаучным материалом, на который ориентируется философ, так и целями его исследования. Переход на жестко дедукционистские позиции при построении теории развития, а также забвение того бесспорного факта, что субъект «видит» реальность сквозь призму своей деятельности с объектом, неизбежно приводят к чрезмерной онтологизации картины мира и фактически снижают ее методологическую эффективность.

РАЗВИТИЕ КАК ПРОЦЕСС ОБНОВЛЕНИЯ МАТЕРИИ

Всеобщие ли «развитие» и как оно соотносится с категориями «движение» и «прогресс»? Ответ зависит от целого ряда факторов. Выскажем некоторые аргументы в подтверждение того, что «развитие» и «прогресс» — всеобщие категории диалектики.

В арсенале диалектики есть категория движения, понимаемого как всякое изменение вообще. Эта категория выражает внутренне присущую, ни к чему не сводимую активность материи, что особо подчеркивается тезисом: «движение — способ существования материи».

Материальный мир внутренне многообразен, соответственно, внутренне многообразны и совершающиеся в нем изменения. Все многообразие изменений, сам факт существования которого вполне определенно выражен категорией «движение», обладает вместе с тем рядом существенных характеристик, не отображенных этой категорией. Именно выявление их делает необходимым введение новой категории — «развитие» для обозначения той же самой совокупности изменений. Можно назвать, как минимум, следующие важнейшие признаки всей совокупности изменений в мире, понятой как развитие.

Во-первых, все многообразие изменений в мире связано, взаимнообусловлено, и, следовательно, должно быть рассмотрено через призму принципа материального единства мира как единая система изменений. «...Общество не твердый кристалл, а организм»¹, — писал К. Маркс, имея в виду процесс общественного развития. Точно так же весь материальный мир — не кристалл, с одной стороны, но, с другой стороны, и не идеальный газ, где все события статистически независимы. Он — органическая система изменений, которую следует всю в целом отобразить специальной категорией — «развитие». Принцип развития нельзя рассматривать в отрыве от принципа материального единства мира, о чем определенно говорил В. И. Ленин².

Во-вторых, развитие как единая система изменений не безрезультатно. Включая в себя обратимые, «круговые» движения,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 11.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 141.

повторение пройденного, оно вместе с тем ведет, в конечном счете, к необратимому появлению нового. Для диалектики чужда концепция изменения как движения «по кругу», как простого повторения пройденного, а для размежевания с ней нужна специальная категория. «Развитие» указывает на бесконечный во времени процесс *обновления* всех видов материи. Материя субстратна или, иначе говоря, внутренне структурирована, т. е. складывается из иерархически связанных друг с другом видов материи, уровней ее организации. В данном пункте диалектический принцип развития обогащается с учетом ленинского принципа неисчерпаемости материи. Утверждение о всеобщем, едином во всем мире процессе развития от старого к новому означает историчность любого вида материи, любого конкретного субстрата (органической клетки, атома, электрона, гипотетического кварка и т. д.). Нет в мире такого материального или духовного явления, которое не имело бы истории, которое было бы либо «изначально данным», либо абсолютной копией существовавших в прошлом явлений. Любое явление в чем-то есть подлинно новое по отношению к предшествующим состояниям материи.

Наконец, в-третьих, единый связный процесс обновления материи необходимо включает в себя прогрессивную тенденцию становления все более высоких ее видов (равно как и противоположную ей регрессивную). Прогрессивная и регрессивная тенденции развития всегда едины, в их реализации есть преемственность, непрерывность, т. е. обе эти тенденции во времени столь же бесконечны, как и само развитие в целом. Прогресс и регресс — необходимые противоположные стороны всеобщего развития, а потому они сами столь же всеобщы, как и последнее³.

Таким образом, и категория «движение», и категория «развитие» вводятся для обозначения одной и той же совокупности изменений, разница их состоит в том, что развитие более конкретно отображает интегральный результат изменчивости. Развитие — это единая, связанная совокупность всех изменений в мире, ведущих к необратимому появлению нового и отмиранию старого, это единство прогрессивной и регрессивной тенденций, имеющее следствием закономерное становление все более высоких форм движения материи (равно как и прехождение ранее возникших систем).

Развитие, понимаемое таким образом, синтетически всеобщее, т. е. является той целостностью, которая охватывает все явления материального мира. Всеобщие также все его необходимые противоположные стороны, включая прогресс и регресс.

Всеобщность развития, а тем более прогресса, не является общепризнанной в советской философской науке. С другой стороны, имеет место излишне прямолинейный подход к обоснованию всеобщности развития, отождествление развития с движением или

³ См.: Е. Ф. Солопов. Движение и развитие. Л., 1974, с. 74.

приравнивание его к сущности любого движения, к разворачиванию противоречий⁴.

Сомневающиеся во всеобщности развития нередко спрашивают, можно ли назвать развитием движение пешехода, колебания маятника, испарение воды, энергетический переход электрона в атоме и т. п.; на первый взгляд, кажется очевидной разница между подобными изменениями и теми глубокими изменениями в природе, в общественной жизни, которые и принято обычно называть собственно развитием. Однако при выработке философской категории «развитие» недостаточно ограничиться этой «очевидной» разницей.

В настоящее время довольно широко представлена точка зрения, согласно которой развитие является частным, особым случаем движения, а понятия «движение» и «развитие» соотносятся как общее и особенное, как род и вид. Естественно тогда, что определяется развитие путем подведения под более широкое понятие «изменение» с указанием особых признаков, как-то: целостность, закономерность, необратимость, направленность и др. Разные авторы указывают несколько разные особые признаки, но это не меняет самой сути подхода.

Задача определения «развития» усматривается в данном случае в том, чтобы *выделить* его из всего многообразия существующих в мире изменений. В самом деле, некоторое особенное является таковым только через отношение к иным особенным. Следовательно, признание развития особым видом движения автоматически означает признание других видов движения, кои не являются развитием, рядоположены ему. И действительно, сторонники такого подхода к развитию пишут, например: «Заметим, что модель мира, в которой есть простое движение и есть развитие, отличается от модели, в которой всякое движение есть развитие; мы придерживаемся первой, как более широкой, модели»⁵. В этом, думается, суть разницы между признанием и непризнанием всеобщности развития, а вопрос о том, по каким именно признакам оно выделяется из массы других изменений, является второстепенным; он даже неверно сформулирован, если признать развитие всеобщим.

Концепция развития как особого вида движения недостаточно аргументирована и ведет к известной несогласованности с рядом других теоретических положений диалектики. Прежде всего, такой подход страдает определенной эмпиричностью. Так, кажется «очевидной» разница между испарением воды, с одной стороны, и индивидуальным развитием особи, с другой. Второе — явно развитие, тогда как первое — якобы «простое» изменение. При этом не замечают, что подобный эмпирический подход в неявном виде

⁴ См.: В. А. Босенко. Диалектика как теория развития. Киев, 1966, с. 59; Е. Ф. Солопов. Движение и развитие. Л., 1974, с. 96—98.

⁵ И. Д. Панцхава, Б. Я. Пахомов. Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1971, с. 163.

заранее содержит в себе всеобщность развития, подразумевает то, что еще следует доказать. Например, спор о том или ином понимании развития считают беспредметным до тех пор, пока не будет дана убедительная классификация существующих в действительности типов изменения, после чего следовало бы просто условиться, какой из них наиболее целесообразно называть развитием⁶. Здесь заранее исключена возможность всеобщности развития. В самом деле, классификация предполагает границы между классами, а процесс развития, если предположить его всеобщность, делает сугубо относительными, временными любые границы. Ф. Энгельс писал о несовместимости абсолютно резких разграничительных линий с принципом развития⁷. Если развитие всеобщее, то следует идти в рассуждениях от развития к классификации, но не наоборот. В противном случае заранее «постулирована» не всеобщность развития.

Принцип развития как важнейшее теоретическое положение диалектики нельзя считать результатом одного только обобщения известных человечеству эмпирических данных. К этому следует добавить обобщение *истории* познания: вчера не знали, что органический мир развивается, сегодня знаем; вчера не знали, что звезды развиваются, сегодня знаем; и т. д.

Увидеть развитие за некоторой совокупностью фактов, характеризующих ту или иную область действительности, порой бывает трудно. Многие объекты формируются за большое время, в рамках очень большой системы. Так, нельзя понять историю средних и тяжелых химических элементов вне истории звезд, а может быть — и галактик. Последняя же стала вырисовываться в общих чертах совсем недавно, тогда как свойства и даже строение химических элементов стали известны намного раньше. По-видимому, человечество «на границе» между познанным и еще не познанным всегда будет иметь дело с объектами, история которых какое-то время неизвестна. Изменения, происходящие с ними, будут выглядеть, в лучшем случае, как функционирование на данном уровне организации материи.

Как правило, сомнение во всеобщности развития сочетается вместе с тем с уверенностью во всеобщности, атрибутивности движения как такового. При этом не замечают, однако, что «аргументы», направленные против всеобщности развития, столь же хороши против атрибутивности самого движения. Действительно, определяя движение как изменение вообще и считая его атрибутом материи, мы берем только общее, свойственное всем эмпирически констатируемым изменениям, и абстрагируемся от различий между ними (особенное и единичное), от взаимосвязи и взаимопереходов отдельных изменений, взятых как фрагменты единого материального мира. Особенность той или иной формы движения нельзя приписать всей материи в качестве атрибута.

⁶ См.: В. И. Столяров. Процесс изменения и его познание. М., 1966, с. 87—94.

⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 527.

Так, в качестве примера движения, «но не развития», нередко приводят процесс перехода вещества из одного агрегатного состояния в другое. В самом деле, это не развитие, но и не атрибут материи; атрибутивно здесь только то, что роднит данное изменение со *всеми* иными. Движение как атрибут материи бесконечно в пространстве и времени, проявляясь через всю совокупность конечных особых движений. Желая конкретизировать понятие движения как атрибута материи, приблизить его к действительности, нужно выразить в понятии (или в системе понятий) *всю* связную совокупность особых движений, а любой пример, якобы «опровергающий» всеобщность развития, в такой же степени «опровергает» и всеобщность движения.

Признание особых видов движения, не являющихся развитием, порождает проблему методов исследования, которые адекватны их природе. Исследованию развития соответствует исторический метод. Какой метод соответствует исследованию не-развития? Иногда указывают на системно-структурный подход, как на дополнительный по отношению к историческому (генетическому). Это допустимо, но только при условии признания субординации двух названных методов, подчиненности системно-структурного подхода историческому. *Историзм* был с самого начала отличительной, специфической чертой диалектического подхода. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей»⁸. Объяснить какое-то явление — значит вскрыть его историю. Нет явлений, при анализе которых не нужен принцип развития, не нужен исторический подход. Не признав этого, ограничившись констатацией двух якобы независимых, координированных методов — исторического и системно-структурного, мы явно абсолютизировали бы какой-то функционирующий субстрат как вечный и неизменный, а это антидиалектично. Получается, что «от и до» следует быть диалектиком, т. е. стоять на позициях историзма, а за некоторыми рамками можно и перестать быть им. Принципиальное допущение, хотя и неявное, молчаливое, правомерности антиисторизма — таково, на наш взгляд, отрицательное последствие подхода к развитию как к особому виду движения.

Настаивая на всеобщности развития, нужно верно установить смысл самого всеобщего. Зачастую именно номиналистическое понимание всеобщего делает «неясной» идею всеобщности развития. Мало признать объективное существование всеобщего, требуется также сказать, *что* есть всеобщее, какими признаками оно обладает. Принцип неисчерпаемости материи не позволяет мыслить всеобщее натуралистически, в виде абсолютно неизменных конкретных субстратных единиц или типов структур. Подлинно всеобщим является только единство, объемлющее все без

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 16.

исключения конечные объекты,— материальный мир в целом. Проблема всеобщего неразрывна с проблемой материального единства мира. Только принадлежность к последнему — единственно всеобщее для всего конечного. Всеобщее — это синтетически всеобщее.

В таком смысле должна пониматься всеобщность и применительно к процессу развития. Всеобщность развития не установить методом сравнения конечных объектов, не в каждом из них можно найти все характерные его черты. Здесь необходимо учесть диалектику конечного и бесконечного, многого и единого, материальной системы и мира в целом. Это не учитывается при жестком связывании развития с данным конкретным объектом, с данной конечной системой. Диалектика оказывается тогда теорией, отображающей сходное в саморазвивающихся материальных системах⁹. Спору нет, исследовать саморазвивающиеся системы надо. Иной вопрос, можно ли этим ограничиться. Ведь при таком подходе можно потерять из виду взаимную связь отдельных систем, интегральный результат совместного развития всех вообще систем в мире. Развитие — это и появление данной системы, и функционирование ее в данном качестве, и прехождение, и становление вместо нее одной или многих иных систем и т. д. При этом действительность не демонстрирует прямого превращения одной отдельной системы в другую без опосредования условиями, а строго говоря — миром в целом. Все конечные системы функционируют и развиваются на фоне единства, образованного их взаимной связью. Развитие в пределах всего материального мира реализуется через эволюцию множества отдельных систем, в развитие вовлекаются одни системы, другие остаются вне данной ветви развития и т. п.; развитие — нечто подобное «эстафете», в которой всегда участвует не одна система. А если рассматривать их совокупность, в свою очередь, как систему, то границы ее всегда подвижны, при этом обязательно остаются существенные для понимания развития, но внешние для самой системы факторы.

Развитие и его законы невозможно целиком и полностью отнести к какой-то одной конечной системе; бесконечное единство всех без исключения конечных систем материального мира — вот носитель развития и его законов. Всеобщность развития — интегральная, синтетическая, охватывающая все конечные системы. Есть единый и единственный связный поток изменений, охватывающий все предметы, весь мир в целом. В самом деле, любые два произвольно выбранных предмета имеют общую исходную точку в развитии, в своей истории или предыстории, т. е. обязательно генетически связаны, прямо или косвенно. Разумеется, весь мировой процесс есть единство дивергенции и конвергенции, в силу чего признание его единства никак не может подразумевать происхождения всего существующего многообразия из одного исход-

⁹ См.: А. Е. Фурман. Материалистическая диалектика (основные категории и законы). М., 1969, с. 6.

ного состояния. Строго говоря, мир не просто «составлен» из совокупности различных процессов развития, но представляет собой единый глобальный поток изменений, развития, бесконечный в пространстве и времени, а история каждого отдельного предмета — лишь фрагмент единой всемирной истории.

Раз так, то объяснить какое-то явление действительности — значит указать его *место* в едином потоке развития; объяснить же всю попавшую в наше поле зрения часть действительности — значит осмыслить ее как единый связный процесс. Далее констатации этого всеохватывающего процесса нельзя пойти в «объяснении» мира, ибо за ним ничего более нет. Материальный мир и есть связное единство, «протяженное» во времени, т. е. процесс, развитие. Диалектика как всеобщая теория призвана вскрыть общие законы, органически ему присущие, всю совокупность общих связей, объединяющих явления действительности в единый процесс. Если естествознание, согласно Ф. Энгельсу, стало наукой «о процессах, о происхождении и развитии этих предметов и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое»¹⁰, то диалектика в своем исследовании присовокупляет к явлениям природы явления общественной жизни, включая процесс познания.

О развитии, по-видимому, следует говорить в широком и узком смысле, обозначая этим термином как единый всеобъемлющий процесс, бесконечный в пространстве и времени, так и конечные процессы изменения отдельных вещей (свойств, отношений) от момента их появления и вплоть до исчезновения. Здесь, как и всюду, бесконечное складывается из конечного и проявляется через него. Хотя во втором смысле термин «развитие» более распространен, ибо именно такие процессы исследуются в конкретных науках, он является, очевидно, более узким. Все конечные процессы развития отдельных вещей или форм движения материи объединены, в конечном счете, совместной историей, где их «судьбы» взаимозависимы. Совместная единая история всех систем — вот подлинный предмет диалектики.

Развития в широком смысле слова совершенно строго подчинено действию всей совокупности законов диалектики. Однако оно складывается из бесконечного числа относительно независимых взаимодействующих ветвей, участков, распадается на бесконечную сумму конечных развитий конечных систем. Каждая относительно самостоятельная ветвь в развитии в общем и целом подобна всему исходному целому, как бы «моделирует» его, что создает возможность применения всего аппарата диалектики к конечным системам. Но всегда надо видеть, что законы диалектики проявляют свое действие в каждой конечной системе в *общем и целом* недостаточно полно (хотя вполне точно). Ошибкой было бы абсолютизировать не только всеобщую взаимозависимость в мире, но и автономность отдельных систем. Диалектика

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 303.

есть в любой системе, но взятой не изолированно, а в ее связи со всем миром. Диалектика есть *везде*, но это не значит, что в любой произвольной системе представлена *вся* диалектика.

Итак, принцип всеобщности развития существует не *наряду* с принципом атрибутивности движения, а является его дальнейшей конкретизацией. Введение категории «развитие» имеет целью не выделение из общей массы изменений каких-то особых, а конкретизацию нашего понимания интегрального эффекта всей совокупности изменений в мире в целом. Применительно к материальному миру в целом и к любой саморазвивающейся системе, взятой в целом, движение и развитие означает одну и ту же совокупность изменений, отчего их нельзя считать разными по объему, сопоставлять как родовое и видовое понятие.

Развитие — категория, более конкретная при оценке *интегрального* эффекта активности всей материи. С другой стороны, движение — более конкретная категория при выявлении деталей, моментов единого процесса развития, как средство мысленной *дифференциации* единого процесса. Познавать развитие и выразить его в системе понятий можно, только отразив взаимосвязь его собственных моментов, сторон, элементов, каждый из которых, взятый по отдельности, уже не является развитием, утрачивает важнейшие черты последнего. Для обозначения их и нужна категория «движение», несинонимичная развитию. Даже на уровне всеобщего мы выделяем изменение (движение) количества, качества, содержания, формы и т. д., но отнюдь не их развитие. Те явления действительности, которые нельзя назвать прямо развитием, не понять вне связи с целостным процессом развития, вне его контекста. Наша способность абстрагировать подобные фрагменты единого целого порождает иллюзию, будто движение «шире», нежели развитие.

Что касается интегрального эффекта активности, отображаемого категорией «развитие», то он, по-видимому, беспредельно богат признаками и далеко не до конца отображен на каждом данном этапе познания. Важнейшие его черты, известные сегодня — целостность, системность изменений, необратимый переход к новым состояниям, неустранимое единство прогрессивной и регрессивной тенденций. Категории прогресса и регресса особенно рельефно отображают противоречивые результаты обновления материи, особо важны для понимания сути развития. Вот почему в понятие развития следует включать указание на единство прогресса и регресса, признавая всеобщность последних как вечных тенденций развития. Вместе с тем в данном пункте мы отнюдь не бесстрастны: международный рабочий класс, содружество стран социализма, коммунистические партии объективно заинтересованы в ускорении общественного прогресса, в умении выделить возможные направления прогрессивных изменений, те факторы, которые позволяют управлять ими.

РАЗВИТИЕ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, КРУГОВОРОТ

В последнее время в советской философской литературе широко дискутируется вопрос о содержании категории развития. Исследования концентрируются главным образом в сфере выяснения того, как данная категория соотносится с понятием движения. По нашему мнению, суть дела будет вырисовываться более рельефно, если обратиться к рассмотрению вопроса о связи развития, функционирования и круговорота. Наша задача и состоит в попытке проанализировать эту связь.

В современной науке становится все более очевидным, что в концепции функционирования мы стремимся зафиксировать процесс в виде «целостности» связей и структур, выступающих по отношению к развитию как выражение его «неподвижности». Подобно тому, как покой считается формой проявления движения, так и понятие функционирования имеет смысл «неподвижного» относительно развития состояния. Тем самым под функционированием подразумевается способ фиксации развития в форме его «застывшего» бытия. Отсюда напрашивается вывод считать функционирование противоположностью развития. Но при этом необходимо иметь в виду, что данные противоположности неравноправны. Функционирование как покой развития существует лишь постольку, поскольку оно есть момент развития. Развитие как бы «обнимает» собой функционирование и в этом смысле функционирование бесконечно преодолевается и утверждается развитием.

На основе функционального подхода устанавливаются такие свойства развития, как изменение организованности и разнообразия, функционально-целевое «стремление», регулятивность, самоорганизация, оптимизация, адаптивность и другие. Но в силу функциональной ориентации этих свойств, они не в состоянии дать пронизанную внутренними противоречиями целостную картину развития. Вместе с тем они составляют необходимый этап в установлении этой картины, ибо невозможно проникнуть в развитие, если не «остановить» и не зафиксировать его в различных аспектах функционирования, как, например, невозможно познать сущность, если она ни в чем не «является». Причем «останавливать» надо таким образом, чтобы это было не в ущерб самому

развитию, самой идее самодвижения. В противном случае возникает угроза плоско-эволюционистских концепций развития (Г. Спенсер, А. А. Богданов), ведущих к отрицанию внутренней активности движения. Но и отбрасывание различных функциональных проявлений как якобы не являющихся предметом философии (В. А. Босенко) вряд ли правомерно. Диалектическая теория развития предполагает обращение как к аспектам функционирования явлений, так и к аспектам их развития, перехода от одного типа организации к другому. Не существует некоего «чистого» развития, пребывающего в отдельности от многообразия соответствующих функциональных характеристик.

Этот факт в достаточной мере осознается многими исследователями, что выражается, например, в попытках выдвинуть информационный критерий развития¹, рассматривать прогресс в связи с процессами повышения организованности², выявить в развитии элементы регулирования³, видеть в качестве атрибутивной характеристики прогрессивной эволюции свойство самоорганизации⁴ и т. д. Весьма примечательно, что, акцентируя внимание на функциональной стороне, мы тем самым не отвлекаемся полностью от момента внутренней противоречивости явлений. Например, в живых системах имеют место одновременно и положительные, и отрицательные обратные связи, выражающие единство противоположностей. Это единство воплощается в противоречивости устойчивости (отрицательная обратная связь) и изменчивости (положительная обратная связь). Точно так же концепции регулирования и саморегуляции предполагают противоречивое единство внутреннего саморегулирования объекта и его регуляции извне. Другие пары понятий, такие, например, как «управление — самоуправление», «организация — самоорганизация», «обучение — самообучение», «оптимизация — самооптимизация», также демонстрируют неразрывную связь функциональных представлений с диалектической концепцией развития и самодвижения.

Если на уровне неживой природы функциональные связи «вписываются» в вещественно-энергетические процессы, не выделяясь в особые организационные формы, то в более сложных ситуациях они становятся ведущими по отношению к вещественно-энергетическим превращениям, что выражается, например, в возможности малыми энергетическими действиями вызывать несоизмеримые с ними эффекты, в ведущей роли информационной причинности, в наличии функционально-целевых отношений и т. д. Отсюда вовсе не следует, что развитие в неживой природе можно

¹ См.: А. Д. Урсул. Природа информации. М., 1968.

² См.: В. Д. Морозов. Проблема развития в философии и естествознании. Минск, 1969.

³ См.: Л. А. Петрушенко. Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971.

⁴ См.: В. Г. Пушкин. Принципы самоорганизации и прогрессивная эволюция живых систем.— В кн.: Методологические вопросы биок cyberнетики. М., 1974.

истолковывать помимо функционирования. Последнее и здесь выступает в качестве противоположного момента развития и только по отношению к нему приобретает свой смысл. Поэтому нельзя признать состоятельными попытки выдвинуть чисто энергетические признаки развития в неживой природе. Так, В. Н. Комаров приходит к выводу, «что всякий процесс развития в неорганической природе идет с выделением энергии»⁵. Аналогичную позицию занимает и А. Л. Зельманов, для которого существенный признак развития по восходящей линии — убывание энтропии, а развития по нисходящей линии — возрастание энтропии⁶. Если В. Н. Комаров исходит из идеи, что всякое связывание элементов материи сопровождается выделением энергии, то критерий восходящего развития А. Л. Зельманова в виде понижения энтропии предполагает обратное — концентрирование энергии в процессе того же самого связывания. Налицо формальное противоречие, причина которого кроется в абсолютизации какой-либо одной стороны реальной действительности. Очевидно, «только» концентрирование или «только» рассеивание энергии суть продукты рассудочного мышления, пригодные лишь в пределах частнонаучных представлений. В действительной ситуации необходимо исходить из противоречивого единства концентрации и рассеяния, в рамках которого материальный объект разворачивается как противоречие между структурированием и деструкцией, организацией и дезорганизацией, интеграцией и дифференциацией, достижением равновесия и его нарушением и т. д. Следовательно, в философском аспекте никаких энергетических признаков развития выдвинуть невозможно.

Следует отметить, что поскольку в функционировании реализуются связи параллельные (синхронные), то в целом оно выступает для нас как замкнутый обратимый процесс, в котором преобладают элементы цикличности. В этой цикличности, собственно, и состоит основная особенность функционирования, позволяющая говорить о нем как о «неподвижном» бытии необратимого хода развития. Можно сказать, что разворачивание необратимых процессов не может происходить помимо обратимых циклических изменений. Уже в самом понятии «развитие объекта» под словом «объект» подразумевается устойчивое, замкнутое в себе целое, наполненное повторяемостью, воспроизведением, возвратами или, иначе говоря — обратимостью. Утверждая, что всякий объект находится в развитии, мы тем самым заведомо противопоставляем неподвижность подвижности, следовательно, так или иначе исходим из единства функционирования и развития. Не существует «чистого» развития или «чистого» функционирования, поскольку каждое из них находит свою определенность в другом. Отсюда

⁵ В. Н. Комаров. Диалектический материализм и характеристика некоторых сторон движения в неорганической природе. Казань, 1970, с. 54.

⁶ См.: А. Л. Зельманов. О бесконечности материального мира. — В кн.: Диалектика в науках о неживой природе. М., 1964.

«неподвижность» функционирования условна, относительна и состоит лишь в противопоставлении жизненной пульсации и развития.

Как же посредством познания функционирования мы постигаем и сам процесс развития в его абсолютности и всеобщности? В. И. Ленин в качестве одного из основных элементов диалектики выдвигал такой подход к объекту, который бы учитывал всю совокупность многообразных отношений этого объекта ко всем другим. «Развертывание всей совокупности моментов действительности...=сущность диалектического познания»⁷. «Гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»⁸. Смысл ленинских слов состоит в утверждении того, что для постижения развития необходимо исходить из учета всех возможных и действительных связей данного явления со всеми другими. Иначе говоря, развертывание всей совокупности отношений и зависимостей, в том числе и функциональных, как раз и есть проникновение в сущность развития. При таком условии открывается возможность охватить каждый объект как частицу всеобщей связанности материального мира, как элемент мирового целого. Согласно В. И. Ленину, важнейшей чертой диалектики является «взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения»⁹.

Интересно отметить, что В. И. Ленин, называя шесть первых из шестнадцати элементов диалектики, располагает их в таком порядке, что каждый последующий элемент оказывается конкретизацией и раскрытием предыдущего. Первый элемент диалектики — объективность рассмотрения — продолжается во втором — в учете всей совокупности многообразных отношений рассматриваемой вещи ко всем другим. Третий элемент диалектики — рассмотрение вещи в развитии — является необходимым следствием второго и вместе с тем предполагает четвертый — «внутренне противоречивые *тенденции*... в этой вещи»¹⁰. Из него вытекает пятый элемент — «вещь... как сумма и *единство противоположностей*»¹¹. И, наконец, шестой — «*борьба*... развертывание этих противоположностей, противоречивых стремлений...»¹² — есть дальнейшая конкретизация предыдущего. В этой единой линии, переходов особый интерес представляет для нас переход от рассмотрения вещи во всей совокупности ее моментов к рассмотрению вещи в развитии. В нем фиксируется связь идеи развития с

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 141.

⁸ Там же, с. 99.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

необходимостью видеть все во взаимной связи со всем, установлен тот факт, что «отношения каждой вещи... не только многообразны, но всеобщи, универсальны»¹³. В развитии констатируется не просто движение вещи, а «ее собственное движение, ее собственная жизнь»¹⁴, причем под углом зрения всеобщности мирового процесса. Здесь важно не движение само по себе, но еще и то, каким образом это движение становится выражением универсального взаимодействия и как оно переживает в этом свою историю. Ибо многосторонность подхода означает на деле обращение не только к настоящему, непосредственно данному, но и к анализу исчезнувших предпосылок явления, его генетической обусловленности прошедшим, равно как и к анализу «выходов» его к будущим состояниям. Тот или иной материальный процесс, если требуется увидеть его в развитии, должен предстать перед нами во всей полноте его возможных и действительных, необходимых и случайных, прошедших и будущих связей и отношений. Ситуация такова, что если мы не «захватим» процесс достаточно широко и многосторонне, то не будет и соответствующего углубления в его сущность, не будет постигнута его внутренняя противоречивость. Но пребывание в истории не означает элементарного следования во времени различных состояний организованности, сложности, разнообразия и т. д. Понимание развития как истории движения предполагает не просто обращение к взаимопереходам во времени, а обращение к ним в результате многосвязного, многостороннего охвата действительности.

Поскольку путь к переходам развития лежит через познание многообразия отдельных сторон, то естественно рассматривать эти стороны лишь в качестве «частичных» движений, характеризующих в основном функционирование. Каждое из этих движений односторонне отражает моменты всеобщего взаимодействия и только в единстве они смогут дать представление о конкретном развитии. С данных позиций соотношение между движением и развитием принимает форму соотношения между абстрактными и конкретными сторонами мирового взаимодействия. Например, механическое движение, регулирование, управление, перемещение информации, изменение энтропии являются абстрактно-всеобщими моментами бытия всех (или многих) конкретных явлений. И в этом смысле они не могут претендовать на роль всеобъемлющих характеристик развития, которое представляет собой конкретно-всеобщее, т. е. затрагивает весь совокупный процесс существования материального объекта. «Конкретное, — пишет К. Маркс, — потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного»¹⁵. Точно так же развитие суть единство многих абстрактных определений движения. Поэтому, например, мы не относим механическое движе-

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

¹⁴ Там же, с. 202.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 727.

ние к развитию не потому, что оно обозначает нечто более широкое, чем развитие, а в силу его абстрактности, односторонности. Будучи одним из способов описания функционирования, оно есть такое движение, которое фиксирует «неподвижность» развития.

Мы видим, что развитие обозначает качественно иную интерпретацию движения, состоящую в максимальном приближении к бытию объекта в системе мирового целого. Увидеть в каждом отдельном совокупный мировой процесс — центральное содержание категории развития. Все остальное вытекает уже как следствие из этого основного ее содержания. В частности, попытки представить развитие в виде сложного, системно-организованного процесса¹⁶ являются одним из способов раскрытия указанного содержания. Именно многоплоскостной, многосвязный характер развития и есть конкретизация мира в направлении всеобщего взаимодействия. С нашей точки зрения можно также понять и тех авторов, которые стремятся истолковать развитие в духе всеобщего мирового процесса. «Понятие развития,— пишет С. Б. Морочник,— относится именно к материальному миру в целом, а не только к отдельным его проявлениям»¹⁷. Такого же мнения придерживается В. В. Орлов: «Мы обнаруживаем конкретные проявления развития в конечных областях реального мира, однако развитие как целостный процесс может быть выявлено только по отношению к бесконечному миру как целому»¹⁸. В стремлении данных авторов определить понятие развития в противовес распространенному мнению о его неприменимости по отношению к «миру в целом» намечается правильная тенденция исходить из всеобщности мирового процесса. Но это не имеет никакого отношения к вопросу о единообразной направленности мирового процесса, служащей в качестве основного аргумента против допущения возможности развития мира как целостной системы. Дело не в однонаправленности и вытекающих из нее последствий в виде «начала» и «конца» мира, а в такой направленности каждого отдельного явления, которое есть выражение целостного мирового процесса.

Поскольку эта направленность устанавливается при изучении бытия объектов в их истории, то будет правильным выделять развитие по признаку историчности. В нем мы заостряем внимание на таких связях и переходах, которые представляют интерес именно с точки зрения истории данного движения. Очевидно, если не учитывать признак историчности, то указанные связи и переходы не выйдут за пределы функционирования, в силу чего станут заметными только отдельные движения и стороны, тогда как картина пребывания объекта в составе мирового целого бу-

¹⁶ См.: А. М. Миклин. Системность развития в свете законов диалектики. — «Вопросы философии», 1975, № 8.

¹⁷ С. Б. Морочник. Развитие и прогресс. — «Вопросы философии», 1966, № 6, с. 46.

¹⁸ В. В. Орлов. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974, с. 115.

дет ускользнуть. Иначе говоря, историчность предполагает отрицание функционирования и тем самым утверждение развития. «Но история,— замечает Ф. Энгельс,— имеет свой собственный ход, и сколь бы диалектически этот ход ни совершался в конечном счете, все же диалектике нередко приходится довольно долго дожидаться истории»¹⁹. Очевидно, речь идет не просто о развитии как движении, а о таком движении, которое реализуется в историческом процессе. В этом смысле развитие можно определить как историю данного движения в его исторической обусловленности в системе мирового целого. Тем самым признак историчности вытекает как необходимый результат исторического исследования. Проблема, таким образом, состоит не только в том, чтобы на основе последовательного историзма продвигаться к установлению картины развития, но и в необходимости трактовки самого развития, исходя из того же самого историзма. Именно анализ под углом зрения историчности будет способствовать дальнейшей конкретизации функциональных аспектов развития в их единстве с диалектическим принципом активности и самодвижения.

Каковы же конкретные пути установления данного единства? По нашему мнению, перспективным является такое направление исследований, которое исходит из неразрывной связи развития с идеей круговорота материи. Начало этому направлению было положено в работах Ф. Энгельса. Идея круговорота у Ф. Энгельса теснейшим образом переплетается с его представлениями о всеобщем взаимодействии. Все находится во взаимной связи со всем, все переходит в другое и вместе с тем сохраняется в мировом круговороте. И в этом Ф. Энгельс видит сущность всеобщего движения, источник его неисчерпаемого разнообразия. Поэтому круговорот — фундаментальное свойство материи, присущее ей в силу ее несотворимости и неуничтожимости.

Ф. Энгельс квалифицирует такой подход как диалектическое представление о природе, которое, благодаря успехам естествознания, «было готово в его основных чертах: все застывшее стало текучим, все неподвижное стало подвижным, все то особое, которое считалось вечным, оказалось преходящим, было доказано, что вся природа движется в вечном потоке и круговороте»²⁰. Очевидно, круговорот для Ф. Энгельса является одновременно и формой развития. Такой подход преодолевает распространенное в домарксистской философии мнение, что природа вращается в круге, вновь и вновь повторяющем одно и то же. Развертывание развития, по Ф. Энгельсу, не совершается в форме круга или прямой, служащих моделями «чистой» повторяемости. В противном случае оно не было бы диалектическим. Но из этого не следует полного отрицания возвратов, повторяемости и попятных движений в развитии. Рассматривая, например, возможность остывания

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 430.

²⁰ Там же, с. 354.

небесных тел при условии, что потерянная теплота не переходит в другие формы движения, Ф. Энгельс приходит к выводу об уничтожимости при таком условии движения и, следовательно, нарушении круговорота. Поэтому, чтобы сохраняться и функционировать, всеобщее движение должно совершаться с возвратами, т. е. обращаться. Основная мысль Ф. Энгельса состоит в признании именно такой закономерности мирового процесса, в котором бы движение с необходимостью возрождало исчезающие формы.

В современном естествознании на основе исследования развития в биологии, исторической геологии, географии, геохимии, космохимии, астрономии вырабатывается такое представление о круговороте, в котором ведущее место отводится ступеням преобразования материального субстрата, его трансформации в различные формы организованности.

Но такой подход еще не обобщается в достаточной мере в советской философской литературе. В результате некоторые авторы приходят к отрицанию основополагающей роли круговорота в понимании развития²¹.

Так, по мнению А. Е. Фурмана и В. А. Подольского, круговороты являются необходимым моментом развития, лежат в основе развития, но не составляют его внутренней сущности. Скорее всего — это лишённые собственных источников круговращения, не демонстрирующие сколь-либо заметных признаков трансформации материи. Поэтому они не могут служить формой ее самодвижения и развития. Нетрудно видеть, что такая позиция оборачивается серьезными осложнениями, ибо возникает вопрос, каким образом возможно представить самодвижение и развитие, если повторяемость и обратимость исключить из их сущности. Очевидно, вопрос о том, что в действительности представляют собой циклы развития, вряд ли можно решить, если само развитие не будет включать в себя круговорот в качестве своей собственной формы. Речь идет о круговоротах как таких объектах исследования, в которых бы с максимальной полнотой были выражены аспекты единства функционирования и развития.

В советской философской литературе уже существуют попытки многопланового подхода к проблеме круговорота. Так, согласно Л. А. Петрушенко, круговорот — наиболее общая форма самодвижения материи. «Поэтому всеобщее универсальное взаимодействие в природе, а также любое взаимодействие форм движения материи или отдельных материальных тел всегда так или иначе представляет собой круговорот»²². Идею круговорота Л. А. Петрушенко связывает с идеей всеобщности регулирования

²¹ См.: А. Е. Фурман. О соотношении прогресса и круговоротов в процессе развития. — В сб.: Проблема развития в современном естествознании. М., 1968; В. А. Подольский. О понятии развития. — В сб.: Философские и социологические исследования, вып. 15. Л., 1974.

²² Л. А. Петрушенко. Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971, с. 232.

(авторегуляции), подчеркивая объективную связь самодвижения с информацией, организацией и управлением. Обмен информацией между материальными объектами и происходящая в связи с этим передача организации и разнообразия определяют новую, кибернетическую картину мира, с точки зрения которой, по мнению Л. А. Петрушенко, изменяются и наши представления о круговороте материи, о функциональном единстве всех его сторон.

Если Л. А. Петрушенко делает основной упор на исследование круговорота как всеобщего мирового процесса, то И. Я. Лойфман более подробно останавливается на выявлении структурно-функциональных особенностей круговоротов в природе. Он считает необходимым различать в них фазы трансформации материального субстрата, выделять взаимодействующие между собой звенья, что в целом создает картину периодических необратимых изменений во времени. В связи с этим вводится понятие формообразующего ряда, в котором органически сочетаются моменты поступательности и цикличности. Этот ряд представляет собой единство восходящих и нисходящих ветвей развития, которые, замыкаясь в цикл, образуют круговорот²³. Основная особенность рассматриваемого подхода состоит в его ориентации на вычленение синхронического аспекта круговорота. При синхроническом рассмотрении заостряется внимание на одновременном сцеплении многих состояний, переходов и связей, образующих замкнутую цепочку событий. Тем самым развивается представление о круговороте как о многосвязном бытии ряда устойчивых звеньев, являющихся вместе с тем и единым потоком материи. Поток этот не замкнут абсолютно, но включает возможность статистических отклонений. Благодаря им накапливаются и формируются необратимые изменения. «Элементы неоднородности, отклонения от постоянного течения процессов, вообще необратимость прямо связаны с тем обстоятельством, что реальный круговорот материи соткан статистически, его звенья по вероятностным законам сцепляются между собой и с окружающей средой»²⁴. Очевидно, суть изложенного подхода заключается в признании и обосновании неразрывного единства идеи круговорота материи и диалектико-материалистической концепции развития.

В философской литературе понятия «круговорот материи» и «круговорот в природе» еще не определены с достаточной четкостью. Однако ясно, что первое из них отражает бытие всего мира в целом или всей материи, а второе охватывает проявления мирового круговорота в отдельных фрагментах материальной действительности. Так как круговорот материи есть процесс мирового взаимодействия, то различные частнонаучные концепции круговоротов должны раскрывать именно аспект всеобщей связанности

²³ См.: И. Я. Лойфман. Круговорот как форма саморазвития материи. — «Философские науки», 1969, № 5.

²⁴ Там же, с. 54.

явлений. В действительности так и происходит. Например, круговорот воды интересует нас не только с точки зрения переходов ее из одного резервуара в другой, но как связывающее звено и активный участник многих планетарных процессов на Земле. В единстве вод мы видим нечто большее, чем это следует из простой констатации факта их круговых движений. В нем заключено многообразие процессов по преобразованию, поддержанию и регулированию ряда структурных форм организации материи как единого потока событий на нашей планете. Аналогичное можно утверждать относительно круговоротов химических элементов. Слежение за их круговыми миграциями направлено в конечном счете на установление зависимостей между собой состояний и переходов форм материи, составляющих многообразие и единство. Важно понять, что данный элемент участвует в круговороте не в качестве пассивного строительного материала, а как активно действующий процесс, преобразующие возможности которого заключены в нем же самом. Так, утверждение о том, что жизнь на Земле поддерживает и возобновляет круговорот кислорода, равносильно признанию высокой активности последнего в функционировании самой жизни.

В связи со сказанным возникает необходимость отличать понятие круговорота в природе от множества других круговых процессов, представляющих лишь отдельные переходы. Мы привыкли говорить о круговоротах веществ, атомов, энергии, химических элементов и т. д., но затрудняемся ответить на вопрос, будут ли таковыми, например, обращения планет вокруг Солнца, электронов вокруг ядра, кровообращение в живом организме, взаимопревращения элементарных частиц и другие, подобные им, процессы. Для нас они только отдельные переходы, абстрактные моменты движения, способные выразить лишь функциональные аспекты развития, но не охватить его во всей многогранности. Вместе с тем любой круговой процесс является отражением универсального взаимодействия (мирового процесса), независимо от нашего подхода к нему. Поэтому различного типа круги оказываются в конечном счете элементарными «клеточками» того единого целого, который мы называем круговоротом материи. Последний невозможно представить вне разнообразия различных по своему размаху круговых связей и движений, составляющих ткань мирового процесса. В качестве геометрической модели такой ситуации служит результирующий круг. Дальше такого представления мы не идем, хотя в действительности никакого круга в пространственном смысле здесь нет. Ибо под круговоротом подразумевается не буквальное круговращение, а факт обоюдостороннего перехода явлений друг в друга, синтез «прямых» и «обратных» превращений, совершаемых в рамках противоположностей возникновения и исчезновения.

Естественно полагать, что круговороты в природе являются в функциональном смысле целостными системами. Это обуслов-

лено их относительной замкнутостью и высокой степенью устойчивости их внутренних отношений. Сцепляемые статистически на основе обменных процессов, звенья круговорота образуют единый поток состояний и переходов, так что в первом приближении возникает картина замкнутой цепочки параллельных и последовательных соединений, координированных и субординированных между собой в соответствии с принципом согласованности «входов» и «выходов». Через систему «входных» и «выходных» воздействий происходит взаимовлияние звеньев друг на друга таким образом, что достигается исключительная слаженность и надежность функционирования круговорота как целого. В нем никакие изменения на отдельных участках не затухают бесследно, а передаются к другим, причем в силу функциональной замкнутости круговорота они получают возможность «возвращаться», т. е. оказывать обратное влияние на причины, их порождающие. Специфика круговорота как раз и состоит в том, что импульсы, исходящие от его отдельных звеньев, не только возобновляются в других, но и через систему взаимодействий способны возвращаться обратно к своему источнику. В круговороте каждое звено или каждый его участок находится в состоянии воздействия на самого себя через совокупность других. Благодаря этому сохраняется и возобновляется его общая замкнутость и функциональное единство. «Наличие большого геологического цикла,— пишет Е. А. Куражковская,— с характерной для него замкнутой (кольцевой) формой связи всех геологических процессов свидетельствует о взаимной функциональной зависимости этих процессов, что является основным признаком систем «саморегулирования»²⁵. Полагая, что биотический круговорот есть единство процессов синтеза и деструкции, М. М. Камшилов приходит к выводу: «Это единство поддерживается многосторонним взаимодействием различных систем, процессов путем перекрещивающихся прямых и обратных связей между ними, взаимодействием, всегда выражающимся в форме круговых процессов»²⁶. Трактую ландшафты как круговороты, А. Д. Арманд считает правильным рассматривать их как системы управления: «Охарактеризованный в терминах кибернетики ландшафт является управляемой системой, а поданные на его «вход» и трансформированные дальше, внутри него, воздействия — «командами», информацией, управляющей этой системой»²⁷. И. Я. Лойфман отмечает, что специфика связей внутри круговорота «создает реальную возможность его регулирования воздействием на какое-либо из звеньев»²⁸.

Благодаря кибернетическому подходу к круговороту возможно

²⁵ Е. А. Куражковская. Геологическая материальная система и закономерности ее развития. М., 1971, с. 39.

²⁶ М. М. Камшилов. Биотический круговорот. М., 1970, с. 137.

²⁷ А. Д. Арманд. Роль обратных связей в развитии природных комплексов. — В кн.: Проблема развития в современном естествознании. М., 1968, с. 248.

²⁸ И. Я. Лойфман. Круговорот как форма саморазвития материи, с. 53.

отвлечение от субстратно-энергетических его сторон, перенос центра тяжести исследований на взаимоотношения между его структурно-функциональными компонентами. В таком случае круговой процесс будет уже разворачиваться в изменении разнообразия, организации, сложности, структур и т. д. Факт передачи, накопления и перераспределения структурно-организационных особенностей фиксируется в понятии информации. Принято считать, что циркулирование информации отражает аспекты перемещений разнообразия и организации. В информационных каналах мы видим функциональных заместителей действительных материальных потоков. Отсюда становятся понятными источники проникновения идей и методов кибернетики в современные исследования проблем процессов развития. В частности, распространенное мнение, что развитие «вверх» связано с увеличением информации (разнообразия) и действием положительных обратных связей непосредственным образом вытекает из необходимости рассматривать круговорот в качестве формы разворачивания потенций развития.

Возвращаясь к первоначально высказанным соображениям относительно единства моментов функционирования и развития, мы можем сказать, что в идее круговорота материи это единство находит свое наиболее полное выражение. Именно в круговоротах мы получаем возможность достаточно близко подходить к пониманию многосторонней связанности явлений и тем самым проникать в содержание их развития. Невозможно в отдельно взятом, изолированном объекте констатировать внутренний импульс его диалектического движения. Но при включении объекта в некоторый процесс всеобщего взаимодействия, в некоторый поток материи (круговорот) он становится конкретным, многообразным, наполняется жизненной пульсацией и самодвижением. Это и означает, что в круговороте раскрывается действительная жизнь объекта, его историческое движение.

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

В нашей философской литературе исследованию различия между противоречиями функционирования и противоречиями развития длительное время не уделялось должного внимания и только в последние годы к этому вопросу обратились некоторые авторы¹. Между тем на необходимость проведения этого различия наталкивает выделение законов функционирования и законов развития. Об отличии законов функционирования общества от законов его развития писали классики марксизма-ленинизма. Правда, долгое время эта проблема оставалась в тени, но с середины 60-х гг. представление о необходимости различать законы функционирования и развития начало утверждаться в литературе и ныне стало общепризнанным². Признав же наличие законов функционирования и законов развития, мы, далее, неизбежно должны признать существование противоречий функционирования и противоречий развития. Ведь всякий закон, представляя связь между различными сущностями, противоположными сторонами одной сущности, неразрывно связан с противоречиями, выражает противоречие. Эта неразрывная связь законов и противоречий неоднократно отмечалась в советской философской литературе, в особенности на материале общественной жизни³. В частности, И. Д. Ермолаев по этому поводу пишет: «При этом в силу того, что основным содержанием действия законов общественного развития является движение противоречий между разными сторонами общественных явлений, обуславливающее непрерывный процесс перехода от одного исторически определенного соотношения к другому исторически обусловленному соотношению между ними, своеобразие действия общественных зако-

¹ См.: М. Н. Руткевич. Диалектический материализм. М., 1973, с. 345—356; А. К. Астафьев. Противоречия функционирования и развития. — В кн.: Проблемы диалектики, вып. 3. Л., 1973.

² См.: А. С. Мамзин, В. П. Рожин. О законах функционирования и законах развития. — «Философские науки», 1965, № 4.

³ См. напр.: Г. Лем. О переходе от старого качества к новому в общественном развитии. М., 1958; В. Мишин. Общественный прогресс. Горький, 1970; И. Д. Ермолаев. Законы развития общества и строительство коммунизма. М., 1971.

нов находит свое выражение прежде всего в специфике движения выражаемых ими противоречий»⁴.

Так, в социалистическом обществе закон преимущественного роста производства средств производства по сравнению с производством средств потребления выражает специфическое противоречие между двумя производственными подразделениями; закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства выражает уже не одно, а целую систему противоречий разных сфер народного хозяйства: промышленности и сельского хозяйства, сферы производства и сферы обращения, производства и транспорта, разных отраслей промышленности и сельского хозяйства и т. д.

Конечно, не только законы общественной жизни выражают противоречия, любой закон означает связь противоположных сторон. Кстати, это особенно очевидно для законов философии, законов диалектики (например, законов связи материи и сознания, количества и качества, общего и отдельного, сущности и явления, случайности и необходимости и т. п.). Но если каждый закон выражает противоречие, то это отнюдь не означает, что каждое противоречие связано с законом. Противоречия бывают не только существенные, но и несущественные, не только необходимые, но и случайные.

Итак, из объективного различия функционирования и развития систем, из факта существования законов функционирования и законов развития следует деление противоречий на такие же две группы.

Существование всякой системы, ее сохранение как таковой и тогда, когда ее развитие не является очевидным, не есть неподвижность, консервация. «Любому явлению,— пишет В. И. Свидерский,— свойственно не только сохранение его состояния, но и изменение внутри данного состояния. Отсюда следует, что любое состояние невозможно, если в качестве его внутреннего содержания не признается изменение. Иначе говоря, всякое состояние есть процесс, нет неподвижных состояний вещей и т. п., есть лишь процессы»⁵. Сохранение системы есть ее постоянное воспроизведение. Процесс же воспроизведения, функционирования суть не что иное, как движение системы в рамках круговорота. Так, функционирование живой системы — это круговой процесс обмена веществ. Точно так же любой общественный организм функционирует через круговой процесс воспроизводства материальных условий его существования. Круговое движение имеет своим источником противоречия функционирования.

Несомненно, круговорот, функционирование не оторваны от развития. Как показано в ряде работ последних лет, круговорот представляет собой внутреннюю основу всякого развития, его элемен-

⁴ И. Д. Ермолаев. Законы развития общества..., с. 41.

⁵ В. И. Свидерский. Диалектический материализм об общих свойствах движения. Л., 1967, с. 19.

тарную форму⁶. Любой круговорот, поскольку он протекает каждый раз в новых, изменившихся условиях, неизбежно содержит в себе элементы необратимости, и потому в ходе круговорота непременно появляется та или иная направленность изменений и ряд кругов образует спираль.

Как неотрывен круговорот от развития, так неотрывны друг от друга противоречия функционирования и развития. Противоречия развития существуют, реализуются только через противоречия функционирования. Например, важнейшее противоречие развития живой природы, каковым является противоречие изменчивости и наследственности, проявляется через противоречия функционирования биосистем молекулярно-генетического, популяционного и биогеоценотического уровней организации. Не существует и, так сказать, «чистых», не связанных с противоречиями развития противоречий функционирования. Нет вечных систем, все они преходящи.

Разумеется, неразрывная связь противоречий функционирования и развития в разных сферах действительности имеет различный характер. В неживой природе, где развитие идет наиболее медленно, а системы отличаются наибольшей устойчивостью, связь противоречий функционирования с противоречиями развития проследить весьма затруднительно. В самом деле, если о ядрах атомов, самих атомах можно утверждать, что они воспроизводятся через действие противоречий функционирования, являющихся выражениями такого общего противоречия, как противоречие притяжения и отталкивания, то о противоречиях развития этих систем, происходящего в течение громадных отрезков времени, современная наука ничего пока сказать не может.

То обстоятельство, что в неживой природе связь функционирования и развития далеко не очевидна, явилось одним из оснований, обусловивших отрыв круговорота от развития и абсолютизацию кругового движения в метафизических концепциях природы. Как сказано, в живой природе связь противоречий функционирования и противоречий развития выступает совершенно явственно, и она тем очевиднее, чем с более высокоорганизованными живыми системами мы имеем дело. Это обусловлено не только неизмеримо большей динамичностью живых систем по сравнению с неживыми, но и, главным образом, тем, что в живой природе прогресс из одного из равноправных направлений превращается в базовое направление развития, а одной из закономерностей прогресса является его ускорение.

В обществе, где прогресс становится для всей общественной системы в целом единственным направлением развития, по мере движения от одной ступени развития к следующей происходит все большее сближение противоречий функционирования и развития⁷.

⁶ См. в частности: *И. Я. Лойфман*. Круговорот как форма саморазвития материи. — «Философские науки», 1969, № 5.

⁷ См.: *М. Н. Руткевич*. Диалектический материализм, с. 351.

С переходом к капитализму наступает резкое ускорение темпов развития, и противоречие между наемным трудом и капиталом оказывается основным противоречием функционирования и развития буржуазного общества. При социализме, тем более, основное противоречие выступает одновременно и в качестве противоречия функционирования, и в качестве противоречия развития.

Подчеркивая, однако, что развития нет и быть не может вне круговорота, функционирования, что противоречия развития проявляются через противоречия функционирования, следует заметить, что это обстоятельство вовсе не исключает самостоятельного рассмотрения противоречий функционирования в отличие от противоречий развития. Напротив, такое рассмотрение является настоящей необходимостью, ибо механизм процесса развития не может быть исследован достаточно глубоко, раскрыт полностью, если не выделить противоречия функционирования. Обратимся же к выяснению специфики противоречий функционирования, в отличие от противоречий развития.

Различаются противоречия функционирования и развития не по характеру взаимодействующих противоположностей, а по особенностям взаимоотношения противоположных сторон, ибо различия в характере противоположностей, о котором пойдет речь далее, являются производными от особенностей их взаимодействия.

В противоречиях функционирования сущность отношения противоположных сторон состоит в их уравновешенности, т. е. в постоянстве, неизменности их соотношения. Такая уравновешенность имеет место во всех случаях: и тогда, когда противоположности в известном смысле равноправны, равнозначны, как, например, в противоречиях притяжения и отталкивания, ассимиляции и диссимиляции или между предприятиями в социалистическом обществе; и в том случае, когда одна из противоположных сторон выступает в качестве ведущей по отношению к другой, господствует, превалирует над другой, как, например, в противоречиях между рабами и рабовладельцами, крестьянами и феодалами, пролетариатом и буржуазией.

Хотя наиболее очевидно уравновешенность противоположностей проявляется в противоречиях функционирования тех систем, развитие которых не отличается динамизмом, происходит очень медленными темпами, т. е. прежде всего в системах неживой природы, но и в системах, развивающихся быстро, каковыми являются общественные системы, поскольку та или иная система сохраняется, уравновешенность составляет основу взаимоотношения противоположностей в противоречиях функционирования. Конечно, равновесие противоположных сторон в противоречиях функционирования никогда не бывает абсолютным, оно постоянно нарушается, ибо существует только как проявление борьбы, столкновения противоположностей, только через эту борьбу и реализуется.

Спецификой противоречий развития является постоянное изменение соотношения противоположных сторон. Вследствие нерав-

номерности изменения взаимодействующих противоположностей в этих противоречиях, в одних случаях, первоначально преобладающая, господствующая противоположность все более теряет это свое положение, а первоначально подчиненная, напротив, набирает силу. Таково, в частности, изменение соотношения противоположных сторон в противоречии буржуазии и рабочего класса. В иных случаях одна из противоположных сторон отстает от другой, уходящей вперед, в результате чего нарастает их несоответствие. Такое взаимодействие противоположностей имеет место в противоречии производительных сил и производственных отношений. Конечно, момент уравниваемости противоположных сторон случается и в противоречиях развития, но этот момент имеет здесь кратковременный, переходящий характер.

Все противоречия развития разрешаются — либо окончательно, либо на том или ином этапе развития системы, возникая вновь на следующем этапе.

В противоречиях функционирования, в силу уравниваемости противоположных сторон, противоположности не могут рассматриваться в качестве старой и новой. Во всех без исключения противоречиях развития, наоборот, противоположные стороны выступают одна как новое, а другая как старое, что обусловлено неравномерностью изменения противоположностей.

В связи с тем обстоятельством, что в любом противоречии развития одна из противоположных сторон является новым, а другая старым, следует сделать два замечания.

Первое замечание связано со спецификой противоречий прогрессивного и регрессивного развития. Поскольку в противоречиях прогрессивного развития старое выступает по отношению к новому как менее совершенное по отношению к более совершенному, а в противоречиях регрессивного развития, соответственно, наоборот, то все противоречия прогрессивного и регрессивного развития представляют собой взаимодействие, борьбу прогрессивного и регрессивного.

Второе замечание касается встречающихся иной раз в нашей литературе представлений, что противоречие старого и нового специфично для социалистического общества и даже является основным противоречием социализма. Как уже отмечалось, противоречие старого и нового не только не специфично для социалистического общества, но не является специфическим и для социальных противоречий развития вообще, оно представляет собой общий момент всех без исключения противоречий развития.

Следует особо остановиться на том, какое значение различие противоречий функционирования и развития имеет для исследования диалектики социалистического общества, для практики коммунистического строительства.

В марксистской литературе, как правило, говорится только о разрешении и преодолении противоречий, и лишь в немногих работах можно встретить положение о том, что в социалистическом об-

шестве осуществляется регулирование возникновения и развития противоречий. Между тем хорошо известно, что идея регулирования противоречий при социализме высказана В. И. Лениным, который писал о сознательном соединении противоположностей. Оставившись, в частности, на необходимости сочетания уравнительности и ударности, он писал: «Ведь можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а можно и так, что получится симфония»⁸.

В социалистическом обществе осуществляется регулирование всех противоречий, но по отношению к противоречиям функционирования регулирование следует подчеркнуть особо, ибо, пока данная система общественных отношений воспроизводится, противоречия функционирования не преодолеваются, но воспроизводятся в процессе регулирования. Это обусловливается тем, что у противоречий функционирования, в отличие от противоречий развития, противоположные стороны не выступают как новая и старая. Несомненно, было бы ошибочным, например, пытаться рассматривать в качестве старой одну из сторон в противоречиях между отраслью и народным хозяйством в целом, министерством и предприятием, между предприятиями, между рабочим классом и колхозным крестьянством, да и вообще во всех прочих противоречиях функционирования социалистического общества. Впрочем, столь же неверно утверждать, а такое случается в нашей литературе, что обе стороны подобных противоречий представляют собой новое. К примеру, расхождение и определенное столкновение интересов социалистических предприятий, имеет место не потому, что одни из них в чем-то выступают в качестве старого, другие в качестве нового, а потому, что они являются обособленными субъектами экономических отношений. В качестве покупателя данное предприятие стремится к тому, чтобы приобретаемая им продукция другого предприятия была и лучше, и подешевле, и поступала в нужное время. В роли же продавца предприятие хотело бы и поменьше повозиться с выпускаемой продукцией, и получить за нее побольше. Желая обеспечить наиболее благоприятные для себя условия производства, предприятия и сталкиваются по вопросам цен, качества продукции, сроков поставок, их комплектности, сроков оплаты и т. п. Столкновение интересов предприятий, противоречия между ними должны именно регулироваться. Это регулирование осуществляется социалистическим государством, которое выступает в качестве третьего контрагента. Регулирование противоречий функционирования создает форму для их движения.

Конечно, в отношении тех или иных частных проявлений противоречий функционирования имеет место их разрешение и снятие. Так, противоречие между интересами металлургических предприятий, выпускающих прокат и стремящихся производить минимальное количество сортов его и притом самые металлоемкие сорта

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 211.

(план выпуска проката этим заводам дается по весу в тоннах), и интересами машиностроительных заводов, для которых изготовление продукции из неспециализированного и утяжеленного проката означает огромный перерасход труда рабочих, машинного времени, электроэнергии, разрешается изменением плановых показателей, нормативов, цен, характера капитальных вложений и т. д. Противоречие между интересами строительных организаций, которые в погоне за выполнением плана, исчисляемого по объему выполненных работ в рублях, производят сначала наиболее выгодные виды работы, например, закладку фундаментов, а затем надолго прекращают работы или резко снижают темпы на начатых объектах, чем увеличивают из года в год масштабы незавершенного строительства, и интересами народного хозяйства в целом, состоящими в том, чтобы сроки строительства были минимальными и миллиарды рублей не омертвлялись, тоже подлежит разрешению через изменение методики планирования, системы расчетов заказчика со строителями и ряд других экономических мер.

Однако такое разрешение и снятие частных проявлений противоречий функционирования представляет собой лишь моменты общего процесса регулирования данных противоречий.

Регулирование это состоит в нахождении оптимального для воспроизводства системы отношения противоположных сторон, оптимального сочетания интересов, направленности воли тех или иных социальных групп, коллективов, личностей, нахождения равновесия между ними. Поскольку равновесие постоянно нарушается, то нужно стремиться к достижению его вновь и вновь. Следует заметить, что господствующие классы в антагонистических формированиях в той или иной мере осуществляют регулирование противоречий функционирования. Наиболее значительные попытки регулирования противоречий функционирования со стороны господствующих классов характерны для монополистического капитала. Но в основном в эксплуататорском обществе регулирование противоречий имеет стихийный характер, осуществляется через классовую борьбу. И поэтому состояния нарушения равновесия, диспропорциональности являются хроническими и резко преобладают над уравновешенностью.

В социалистическом обществе регулирование противоречий функционирования происходит сознательно, на научной основе. Всякое нарушение научного подхода к регулированию этих противоречий обостряет их, ведет к разладке в функционировании тех или иных областей общественной жизни, к диспропорциям, рождает субъективные противоречия, которые в свою очередь затрудняют регуляцию.

Оптимальное регулирование противоречий функционирования в социалистическом обществе означает максимально успешное использование законов социализма, так как сознательное регулирование противоречий при социализме по сути тождественно использованию объективных законов на основе их научного постижения.

И в заключение следует заметить, что выделение противоречий функционирования в отличие от противоречий развития отнюдь не означает пересмотра общепринятого в марксистской литературе положения о том, что все противоречия выступают в качестве источников развития.

Конечно, в противоречиях функционирования соотношение сторон в ходе их взаимодействия, «борьбы», как отмечалось, не меняется, остается отношением уравновешенности, но сами стороны, безусловно, изменяются. Поэтому с полным правом можно говорить о противоречиях функционирования как источниках развития. Ведь процесс количественных изменений системы рано или поздно приводит к качественным изменениям. Противоречия функционирования данной системы исчезают вместе с ней, и возникает новая система с другими противоречиями функционирования. Поскольку противоречия развития не могут реализоваться вне противоречий функционирования, поскольку те и другие неразрывно связаны между собой, поскольку есть все основания считать любое противоречие источником развития.

А. Н. Аверин, Л. М. Андрюхина

РАЗВИТИЕ И РОСТ

Четкая дифференциация понятий «развитие» и «рост» является необходимым условием диалектико-материалистического понимания сущности развития.

Понятие «рост» выделяется уже в работах Аристотеля. Аристотель приводит четыре вида изменений: «или сути, или качества, или количества, или в отношении «где»¹. Изменение качества, «определенного нечто есть возникновение и уничтожение в безотносительном смысле, изменение количества — рост и убыль»². Рост Аристотель относит к количественным изменениям, отличая его от изменений качественных. Без количественных изменений, по мнению Стагирита, невозможен переход бытия в противоположные состояния. Однако не каждое количественное изменение приводит к изменению качества: для этого нужна определенная мера. «Мера есть то, чем познается количество»³.

В Новое время, когда диалектика разрабатывается как концепция движения, качественная определенность явлений берется как данная, а рост рассматривается как основа модификаций внутри данного качества. Такой подход был вполне правомерен в рамках типологического или узкодинамического подхода к явлениям. Но этот подход становится метафизическим, как только в его рамки начинают включать и процесс развития. Как справедливо отметил Г. В. Плеханов, «понимаемое таким образом развитие ровно ничего не объясняет; оно предполагает существование тех самых явлений, которые оно должно объяснить, и считается лишь с совершающимися в них *количественными изменениями*»⁴.

Метафизические воззрения Нового времени надо отличать от новометафизического подхода конца XIX — начала XX в. В XX в. с принципом развития «согласны все», но согласие выражается подчас в сведении развития к росту.

¹ Аристотель. Соч., т. 1. М., 1976, с. 301.

² Там же.

³ Там же, с. 253.

⁴ Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1949, с. 82.

Метафизической концепции развития как роста, увеличения и уменьшения В. И. Ленин противопоставил понимание развития как сложного диалектического процесса — «развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество»⁵. «Если все развивается, значит все переходит из одного в другое, — писал В. И. Ленин, — ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный *рост, увеличение* (respectively уменьшение) etc»⁶.

В. И. Ленин вносит новые, существенные моменты в понимание категорий «развитие» и «рост», в трактовку их соотношения. Категория развития рассматривается В. И. Лениным как более фундаментальная, более богатая по сравнению с категорией «рост», которая берется как производная: рост и движение являются моментами развития. Специфика развития — это качественные изменения; специфика роста (уменьшения и увеличения, повторения) — в количественном характере изменений⁷.

В исследовании сложных систем (прежде всего социальных и биологических), имеющих, как правило, несколько специфических рядов качественных определенностей, особых линий и закономерностей развития, в исследовании развития научного знания положения В. И. Ленина о необходимости четко различать понятия «развитие» и «рост», а также положения об универсальной гибкости понятий, их развитии особенно актуальны. Как будет показано в настоящей статье, анализ категорий «рост» и «развитие» в связи с системно-структурными представлениями дает возможность глубже понять диалектику их соотношения, избежать как отождествления, так и абсолютного их противопоставления.

Не так давно в биологии под ростом понимали «процесс необратимого увеличения веса или размеров организма»⁸. Согласно Т. Д. Лысенко, «развитие — путь необходимых качественных изменений ... от посеянного семени до созревания новых семян»⁹. При этом граница между ростом и развитием устанавливалась там, где растение переходит от вегетативных изменений к образованию репродуктивных органов. Озимый злак, согласно Т. Д. Лысенко, пока он не приобрел способности к выколашиванию и образует лишь новые листья и побеги, только растет, но не развивается; рост не является возникновением нового (в данном случае — репродуктивных органов). В подобных представлениях выделяется одно качество явления и изменение этого и только этого качества, переход от этого качества к другому (от семени до семени) определяется как развитие, а количественные изменения (изменения величины), не приводящие к изменению данного качества, к возникновению нового, определяются как рост.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

⁷ См.: Там же, с. 317—318.

⁸ Д. А. Сабинин. Физиология развития растений. М., 1963, с. 6.

⁹ См.: Т. Д. Лысенко. Стадийное развитие растений. М., 1952, с. 348.

В современной научной литературе показана неправомерность сведения количественных изменений только к изменениям величины, числа, размеров, ибо это ведет к абсолютному противопоставлению количественных изменений качественным, разрабатывается концепция многокачественности явлений, разнопорядковости их качественной определенности¹⁰.

Глубже понять диалектику соотношения качественных и количественных изменений позволяет определение качества и количества через существенные и несущественные различия (изменения)¹¹. Изменения, несущественные в одном отношении, выступают как существенные в другом отношении. Поэтому можно говорить как о качественных (существенных), так и количественных (несущественных) в данном отношении новообразованиях.

Учитывая сказанное, рост можно определить как процесс несущественных (количественных) новообразований, а развитие — как процесс существенных (качественных) новообразований. В этом направлении пересматривались определения развития и роста и в физиологии растений. Д. А. Сабинин определяет рост как «процесс новообразования элементов структуры организма, а развитие — изменения в новообразовании элементов структуры»¹². Эти определения позволяют преодолеть ограниченность ранее отмеченного подхода, однако в свою очередь требуют ограничений и уточнений.

Одним из существенных признаков развития, выделяемых в советской философской литературе, является направленность качественных новообразований¹³. Рост также необходимо выделять как направленные несущественные (количественные) новообразования, отличая его от процессов ненаправленных изменений. Это показывают и конкретнаучные исследования. Д. А. Сабинин отмечает, что «критерием наличия роста нельзя делать изменения, имеющие место лишь при определенном балансе процессов создания и разрушения»¹⁴. При этом направленность роста определяется в целом направленностью развития данного явления, хотя может быть противоположной (например, злокачественный рост клеток по отношению к развитию организма).

При определении категорий «развитие» и «рост» необходимо также конкретизировать соотношение и критерии выделения су-

¹⁰ См.: М. Н. Руткевич. О содержании категорий качества и количества. — В сб.: Взаимосвязь категорий, Свердловск, 1970; И. Я. Лойфман. Философская категория меры и естествознание. — «Философские науки», 1966, № 6; С. Г. Шляхтенко. Категории качества и количества. Л., 1968; В. П. Кузьмин. Системное качество. — «Вопросы философии», 1973, № 9, 10; И. С. Тимофеев. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М., 1972.

¹¹ М. Н. Руткевич. О содержании категорий качества и количества.

¹² Д. А. Сабинин. Физиология развития растений, с. 9.

¹³ См.: М. Н. Руткевич. Развитие, прогресс и законы диалектики. — «Вопросы философии», 1965, № 8.

¹⁴ Д. А. Сабинин. Физиология развития растений, с. 7.

ществленных и несущественных изменений. Это становится возможным с позиций системного подхода.

Говоря о многокачественности явлений, важно учитывать, что любое явление — это не просто набор, сумма качеств, но — система качеств. Важно, что это система не только качественных определенностей, но и система качественно-количественных изменений. В конкретном отношении и в конкретном временном интервале необходимо выделить «системного качества» явления¹⁵. Любое качественное изменение в системе существенно, но существенно в разной степени. При крайней степени различия существенными изменениями в данной системе будут изменения, приводящие к преобразованию системного качества. В этом отношении любые другие изменения в системе будут несущественными. Или, иначе, новообразования элементов, не изменяющие системного качества, будут выступать как несущественные в данном отношении.

Таким образом, рост — это направленный процесс новообразований элементов системы, не приводящий к изменению данного конкретного системного качества. Развитие — это направленный процесс новообразований системы в целом (системного качества).

Понимание явления как простой суммы качеств, сведение качества системы к качеству элементов ведет к подмене развития ростом. Примером этого являются современные буржуазные теории, в которых процесс преобразования капиталистической системы в целом заменяется процессом новообразования произвольно выхваченных отдельных элементов системы (техничко-экономические показатели в теории стадий экономического роста У. Ростоу) или сводится к эклектической сумме новообразований элементов (технология, знания, культура и т. д. в теориях постиндустриального общества)¹⁶.

Основываясь на диалектическом понимании соотношения системы и элементов¹⁷, необходимо отметить следующее: то, что является ростом на одном уровне организации (новообразования элементов по отношению к новообразованиям системы), выступает развитием на другом уровне (рост элемента (системы) выступает развитием по отношению к его собственным элементам).

В этом смысле различие развития и роста является относительным: рост — момент, сторона развития, развитие — граница роста. Рост правомерно выделять и как этап, стадию в развитии системы¹⁸.

Качественно беспредельный рост оказывается бессмысленным

¹⁵ См.: В. П. Кузьмин. Системное качество. — «Вопросы философии», 1973, № 9, 10.

¹⁶ См.: Е. Д. Модржинская. Антикоммунистический характер версий общественного прогресса в буржуазной футурологии, в теориях стадий экономического роста и «эволюции». — В кн.: Будущее человеческого общества. М., 1971.

¹⁷ См.: И. Я. Лойфман. Системность и элементарность. — В сб.: Категория структуры в системе философских категорий. Свердловск, 1973.

¹⁸ См.: И. Д. Панцхава, Б. Я. Пахомов. Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1971, с. 180.

понятием, ибо рост внутренне, необходимо содержит развитие как свою основу и как свою границу. Здесь рост и развитие не только взаимодополняющие, но и взаимопроникающие процессы. Однако в рамках конкретного системно-элементного отношения противоположность развития и роста абсолютна.

Как смешение уровней организации, сведение одного уровня к другому, так и их разрыв, выпадение одного из уровней ведут либо к отождествлению, либо к абсолютному противопоставлению развития и роста. Это приобретает особую актуальность в понимании развития научного знания.

То, что в области научного знания происходят изменения, не вызывает сомнений почти ни у кого. Но чем являются эти изменения: ростом или развитием?

В буржуазной философии и социологии большое распространение получила кумулятивистская концепция развития научного знания. Один из критиков кумулятивистской концепции Э. Г. Лейкин отмечает, что «простую формулу кумулятивности науки можно изложить в следующих словах: «знания о реальных фактах мира, однажды приобретенные наукой, не отбрасываются ее последующим развитием, но вбираются им и накапливаются (кумулируются); в каждый данный период наука представляет собой сумму знаний, накопленных в этот период и во все предшествующие периоды и передаваемых всем последующим периодам, — сумму, которая, таким образом, от поколения к поколению возрастает»¹⁹.

Сторонники кумулятивистской концепции рассматривают развитие научного знания как его простое расширение, как постепенный и последовательный рост.

Кумулятивизм основан, как правило, на сведении сложной системы научного знания к ее элементам и выступает либо как концепция накопления эмпирических истин (при абсолютизации низших уровней организации научного знания), либо как концепция филиации идей (при абсолютизации таких уровней организации научного знания, как теория, научная картина мира). Несостоятельность подобных представлений развития научного знания наглядно иллюстрирует имманентная эволюция буржуазной «философии науки» от кумулятивизма — к невозможности кумулятивизма.

Так, представитель антипозитивистской тенденции в «философии науки» Т. Кун пришел к выводу, что «кумулятивное накопление непредвиденных новшеств в науке оказывается почти не существующим исключением в закономерном ходе ее развития. Тот, кто серьезно рассматривает исторические факты, должен иметь в виду, что наука не стремится к идеалу, который подсказывается нашим представлением о кумулятивности развития»²⁰.

В противоположность кумулятивистской концепции развития научного знания Т. Кун выдвинул концепцию научных революций,

¹⁹ Э. Г. Лейкин. К критике кумулятивистских концепций развития науки. — В кн.: Очерки истории и теории развития науки. М., 1969, с. 244.

²⁰ Т. Кун. Структура научных революций. М., 1975, с. 128.

согласно которой, развитие научного знания идет не путем наращивания знания, а путем его коренного изменения. Соглашаясь в этом пункте с Т. Куном, нужно одновременно подчеркнуть, что не следует отрицать вообще, как это делает Т. Кун, наличие такого свойства в развитии научного знания, как его рост, накопление. «Однако,— пишет Т. Кун,— если мы и дальше не будем отклоняться от упрямых фактов, то тогда при повторной проверке области, которую мы уже охватили, можно предположить, что кумулятивное приобретение новшеств не только фактически случается редко, но в принципе невозможно. Нормальное исследование, являющееся кумулятивным, обязано своим успехом умению ученых постоянно отбирать проблемы, которые могут быть разрешены благодаря концептуальной и технической связи с уже существующими проблемами»²¹.

Т. Кун прав, когда он критикует сторонников кумулятивистской концепции за отождествление развития научного знания с его кумулятивностью, однако он приходит к абсолютному противопоставлению развития и роста научного знания. Пытаясь преодолеть ограниченность позитивистского понимания развития науки, Т. Кун отличает изменение эмпирического основания науки, изменения в рамках теорий от изменения, развития науки в целом как смены парадигм. Первое он относит к периоду «нормальной науки», которая «представляет собой в высшей степени кумулятивное предприятие»²², второе — к периоду «экстраординарной науки», революции в науке, что Т. Кун и считает собственно развитием научного знания.

Развитие теории действительно принципиально отличается от развития высших уровней систематизации научного знания и не исчерпывает законов развития научного знания в целом — этот факт неосознанно фиксируется в концепции научных революций Т. Куна. Однако непонимание диалектического характера взаимосвязи различных уровней научного знания приводит Т. Куна к разрыву развития и роста научного знания, к представлению об их рядоположенности, несовместимому с подлинным историзмом.

С позиций марксистско-ленинской философии рост и развитие научного знания тесно взаимосвязаны. Существует диалектическая взаимосвязь между революционным развитием научного знания и его эволюционным развитием, одной из характеристик которого является кумулятивность.

Кумулятивный характер развития научного знания проявляется в переходе от одного уровня теории к другому. Связующим звеном между этими уровнями выступает принцип соответствия. «Принципы перехода от старых теорий к новым,— пишет И. А. Майзель,— в том числе принцип соответствия, как бы цементируют науку, рассматриваемую в ее историческом развитии. Благодаря их действию

²¹ Там же...

²² Там же, с. 77.

обнаруживается кумулятивный характер науки, непрестанно накапливающей свое богатство и не утрачивающей ни одного подлинно ценного приобретения. Каждая новая теория, какой бы «безумной» она ни представлялась при своем рождении и как бы она ни революционизировала науку, не перечеркивает старые (разумеется, подлинно научные) теории, но впитывает их в себя. Поэтому ранее сформулированные положения продолжают жить в новых теориях как их частный, предельный случай»²³.

Принцип соответствия в науке свидетельствует о преемственности в развитии научного знания²⁴. И в этом принципе выражен кумулятивный характер развития научного знания, который проявляется прежде всего в том, что смена научных теорий может еще не означать научной революции. Ф. Энгельс отмечал, что в природе нет скачков, потому что она сплошь состоит из скачков. Данное утверждение вполне применимо и для научного знания, поскольку скачкообразные, революционные изменения в области научного знания нужно рассматривать в разных отношениях. Глобальная научная революция всегда связана с коренным изменением способа мышления. Если же не происходит глобальных научных революций, то возможны, как отмечает Н. И. Родный, «микрореволюции» — создание новых теорий в различных областях науки²⁵.

В одном отношении может происходить кумуляция научного знания, одновременно в другом — его революционное изменение.

Так, трудовая теория антропогенеза была создана на основе обобщения фактических данных естествознания. Опытным знанием для создания трудовой теории антропогенеза послужили, в частности, данные биологической науки, обобщенные Ч. Дарвином. Ф. Энгельс использует эти данные в связи с рассмотрением проблем происхождения предков человека, возникновения языка и происхождения членораздельной речи, становления руки как органа и продукта труда. Эволюционная теория Ч. Дарвина, его теория происхождения человека подготовили трудовую теорию антропогенеза. В свою очередь Ч. Дарвин при создании теории происхождения человека использовал научные знания, полученные в геологии, археологии, сравнительной анатомии и эмбриологии, зоопсихологии, сравнительной патологии и паразитологии. В частности, исследования в сравнительной анатомии и эмбриологии показали сходство в строении тела и его функций у человека и высших животных, сходство их зародышевого развития и наличие рудиментарных органов у человека. Следовательно, развитие антропологического знания в XIX в. представляло собой кумуляцию знания по отношению к накопленному эмпирическому материалу: тру-

²³ И. А. Майзель. Наука, автоматизация, общество. Л., 1972, с. 135.

²⁴ См.: А. Ф. Зотов. Преемственность научного знания и принцип соответствия. — В кн.: Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974.

²⁵ См.: Н. И. Родный. Некоторые вопросы научной революции. — В кн.: Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974.

довая теория антропогенеза включила в себя предшествующее биологическое знание. С другой стороны, создание трудовой теории антропогенеза явилось научной революцией в антропологии, ибо эта теория открыла новый этап в познании закономерностей становления человека.

Современные антропологи опираются на предшествующий уровень развития науки, кумулируя накопленное знание. Вместе с тем новое фактическое знание позволяет формулировать новые гипотезы и теории, которые могут быть противоположны предшествующим. Например, в XX в. сформулирована гипотеза о том, что непосредственным предком человека «разумного» являются ранние неандертальцы, тогда как в XIX в. его непосредственным предком считался поздний неандерталец. Данный пример свидетельствует, что развитие антропологического знания не является простым его расширением, а сопровождается «перерывами постепенности».

Подводя итог, следует подчеркнуть, что адекватное отражение процесса развития возможно лишь при учете развития и диалектической гибкости понятий. Как отождествление, так и абсолютное противопоставление категорий «развитие» и «рост» ведут к искажению объективной диалектики развития.

В. В. Байлук

ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗВИТИЯ

В настоящее время существует довольно обширная литература по проблемам развития и детерминизма. Вместе с тем специальные работы, в которых бы рассматривались вопросы детерминации процесса развития, весьма немногочисленны¹. Анализ некоторых аспектов этой детерминации — цель настоящей статьи.

Мы в целом разделяем мнение тех авторов², которые под развитием понимают процесс необратимых направленных изменений или «целостное, закономерное, в основном необратимое изменение качественного состояния системы, включающее в себя возникновение новых возможностей и тенденций в течение достаточно длительного периода существования системы»³. Такое понимание развития позволяет: 1) разграничить движение и развитие, а тем самым функционирование и развитие; 2) учесть многонаправленность развития, многообразие его форм — прогресса, регресса и круговорота.

Детерминизм можно определить как учение о всеобщей обусловленности вещей в их возникновении, существовании и исчезновении⁴. Процесс обусловленности, детерминации непосредственно или опосредованно раскрывается всеми категориями диалектики. Непосредственно детерминацию раскрывают такие категории, как причина и следствие, функциональная связь, необходимость и случайность, общее, особенное и единичное, сущность и явление, закон. Исходными категориями детерминизма являются категории «условия» и «обусловленное». Под условиями мы понимаем совокупность всех тех явлений, от которых зависит возникновение, су-

¹ См. в частности: *Я. Ф. Аскин. Категория структуры и проблема детерминации процесса развития.* — В кн.: *Проблемы детерминизма в свете системно-структурного анализа.* Саратов, 1970.

² См.: *Б. М. Кедров. О повторяемости в процессе развития.* М., 1961, с. 37; *М. Н. Руткевич. Диалектический материализм.* М., 1959, с. 374; *В. И. Столяров. Изменение и развитие.* — «Вопросы философии», 1965, № 12, с. 45; *Е. Ф. Молевич. Движение и развитие.* — В сб.: *Актуальные вопросы теории прогресса*, вып. 1. Куйбышев, 1972.

³ *С. Т. Мелюхин. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии.* М., 1966, с. 257.

⁴ См.: *Я. Ф. Аскин. Философский детерминизм.* Саратов, 1974.

ществование и исчезновение других явлений. Обусловленное — то, что определяется условиями, превратившимися в факторы⁵.

Исследование процесса детерминации развития прежде всего предполагает использование категорий диалектики, непосредственно раскрывающих развитие (возможность — действительность, структура — функция и др.) и детерминацию.

Суть развития — в возникновении нового из старого. Но как возникает новое?

Возникновение всякого явления вообще предполагает как наличие определенного явления А, из которого возникает явление В, так и наличие определенных внешних условий. Чтобы в дальнейшем в полной мере пользоваться категорией условия, мы явление А будем рассматривать как внутренние условия. Итак, для возникновения любого явления необходима совокупность внутренних и внешних условий. Различные компоненты условий между собой неравнозначны. Одни из них только необходимы для возникновения явления, другие — не только необходимы, но, превращаясь в факторы и одновременно превращая из условий в факторы все необходимые условия, осуществляют их производство. Факторы, которые осуществляют производство других явлений, выступают как их причины.

Когда внутренние и внешние условия (факторы) относительно устойчивы, постоянны, то относительно постоянным является и обусловленное. Скажем, токарь в течение рабочего дня может выточить десятки однотипных деталей; от данного вида животных рождается потомство только данного вида и т. д. Возникающие во всех этих случаях объекты в целом не являются абсолютно новыми, определяющим в этих процессах является функционирование, воспроизводство объектов, аналогичных уже существовавшим. Поэтому нельзя признать обоснованным определение нового как того, что возникает после старого⁶. Новое возникает только в процессе развития. Возникновение нового всегда связано с существенными изменениями во внутренних и внешних условиях и всегда является результатом неповторимого, уникального сочетания условий, элементов старого. Это убедительно показано В. И. Плотниковым на примере возникновения элементарной социальной связи в условиях полного господства биологических законов⁷. Мы согласны с автором, что категория «генетическая связь» предназначена для раскрытия специфики детерминации возникновения, рождения нового⁸, т. е. развития. Поэтому исследовать детерминацию развития — значит исследовать генетическую детерминацию. Понятно, что

⁵ Мы различаем условия и факторы. *Условия* характеризуют сферу возможного, *факторы* — процесс превращения возможности в действительность.

⁶ См.: В. Н. Сагатовский. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973, с. 376.

⁷ См.: В. И. Плотников. Причинность и генетическая связь. — В сб.: Категория причинности в диалектической концепции связи. Свердловск, 1974, с. 66—68.

⁸ Там же, с. 65.

исследование генетической детерминации не исчерпывается анализом условий, а предполагает использование всех категорий, непосредственно раскрывающих развитие и детерминацию. Мы остановимся на роли в раскрытии детерминации развития таких категорий, как структура и функция, количество и качество, возможность и действительность, необходимость и случайность.

Детерминацию структурой функции обычно называют структурной детерминацией⁹, детерминация же функцией структуры еще не получила особого названия, ее исследование — один из аспектов исследования детерминации развития.

Любая система в процессе своего функционирования включает взаимодействие с внешними условиями, или функциональное взаимодействие, и структурное взаимодействие. В ходе функционального взаимодействия внешние условия непрерывно изменяются, что ведет к изменению функций системы, которое, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на структуру и на систему в целом. Одновременно и в самой системе в силу внутренних взаимодействий в ее структуре и элементах также происходят изменения, т. е. изменяются и внутренние условия. Пока изменения внутренних и внешних условий происходят в рамках меры, система функционирует. Когда мера нарушается и количественные изменения переходят в качественные, происходит разрушение старой структуры. Если разрушение структуры вызвано только воздействием изменившихся внешних условий без соответствующих изменений во внутренних условиях, то система просто уничтожается (гибель, например, каких-либо животных в результате наводнения). В этом случае происходят необратимые качественные изменения, но о развитии здесь не может быть и речи. Если одни качественные состояния системы сменяются другими, но возможности системы в принципе остаются одними и теми же, то в этом случае происходят качественные обратимые изменения (например, смена агрегатных состояний воды). Здесь мы имеем дело с особым случаем функционирования.

В процессе развития также происходит разрушение одной структуры и возникновение другой на основе диалектически взаимосвязанного изменения внутренних и внешних условий. Специфика развития, а значит и его детерминации состоит в следующем: 1) развитие имеет место только при уникальном сцеплении внешних и внутренних условий, с этим обстоятельством связано возникновение принципиально нового; 2) в процессе развития прежние возможности системы, полностью исчерпавшись, исчезают, что обуславливает необратимый характер ее структурных изменений; 3) в системе с качественно изменившейся структурой возникают принципиально новые возможности изменения. Этими возможностями определяется направленный характер развития.

В связи со сказанным нам представляется более обоснованным

⁹ См.: Л. П. Туркин. Причинность и структурная детерминация. — В сб.: Категория причинности в диалектической концепции связи. Свердловск, 1974.

под развитием понимать качественные изменения структуры системы, возникающие на основе уникального сочетания внутренних и внешних условий и ведущие к возникновению новых возможностей ее изменения. Это определение развития не противоречит определению развития как необратимого направленного изменения, но оно подводит под него необходимое основание. Другими словами, такие признаки развития, как необратимость и направленность, являются производными от такого качественного изменения структуры системы, которое обусловлено уникальным сцеплением условий и связано с возникновением новых возможностей ее изменения. Из этого следует, что одним из важнейших аспектов развития является преобразование спектра возможностей системы.

Каждая качественно определенная система содержит множество разнообразных возможностей изменения. Но все эти возможности можно свести к следующим: возможность 1) уничтожения, разрушения системы; 2) функционирования; 3) усложнения уровня организации; 4) понижения уровня организации (с развитием непосредственно связаны только два последних вида). Все эти возможности в системе являются абстрактными. Какая из них станет реальной и превратится в действительность — зависит от внешних условий.

Основанием возможности является необходимость, а мерой необходимого в возможном — вероятность. Поскольку случайность есть то, что может быть, а может и не быть, то она также входит в сферу возможного. Из взаимосвязи внутренних и внешних условий вытекает, что необходимое в возможном включает не только необходимое, содержащееся во внутренних условиях системы, но и необходимое, заключенное во внешних условиях, внешних возможностях.

Таким образом, изменение любой системы определяется целым спектром возможностей, заключенных во внутренних и внешних условиях, в необходимости и случайности. Из многообразия возможностей вытекает многообразие путей изменения и развития явлений действительности. Вместе с тем многообразие возможностей изменения любой системы одновременно и ограничивается внутренними законами данной системы, внутренней и внешней необходимостью и случайностью. Поэтому в любой системе и ее внешних условиях заключены не любые возможности, а лишь вполне определенные. Так, например, в атомах существует возможность возникновения молекул, но в них в принципе отсутствует возможность возникновения человека. Следует также учитывать то обстоятельство, что в развитии всегда реализуется лишь определенная возможность, но реализация этой возможности в силу противоречивости явлений осуществляется через борьбу многих возможностей.

Из сказанного вытекает принципиальная невозможность однонаправленного развития либо в сторону прогресса, либо в сторону регресса и принципиальная равноправность прогрессивной и регрессивной линий развития применительно к материи в целом. Среди

философов-марксистов общепризнанным является положение о качественной разнородности материи. Но из этого положения следует, что любая качественно определенная система или класс явлений как выражение дифференциации материи, ее покоя — конечны, ибо они не только в определенных условиях места и времени возникают, но и исчезают, уничтожаются всеобщим движением. Не избавлено от этой участи и человечество. Материя «с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»¹⁰.

Однозначная направленность развития имеет место, но только в определенных условиях, в определенной пространственно-временной области. Прогрессивная направленность обуславливается усложнением структуры систем, ростом многообразия внутренних и внешних связей, что ведет к увеличению возможностей уникального сочетания условий; регрессивное направление, наоборот, обуславливается упрощением структуры систем, уменьшением многообразия внутренних и внешних связей, что ведет к сужению круга возможностей неповторимого сочетания условий. Если положение об однозначной направленности распространить на всю Вселенную, то мы должны с неизбежностью прийти к выводу о начале и конце мира. Именно такой вывод, как показал Ф. Энгельс, следует из теории тепловой смерти Вселенной. Это в равной мере относится и к сторонникам понимания развития материи только как поступательного прогрессивного развития, как развития от низшего к высшему. Поскольку эта концепция развития получила наиболее обстоятельную разработку в трудах В. В. Орлова, то представляется целесообразным кратко остановиться на некоторых аспектах его подхода.

По В. В. Орлову, высшее возникает из низшего, которое содержит не только условия своего превращения в высшее, но и необходимость этого превращения¹¹. Что касается внешних условий, то им отводится роль лишь в реализации частных возможностей¹², процесс же реализации возможности возникновения высшего из низшего совершенно безразличен, индифферентен к внешним условиям. Наряду с этим утверждается, что магистральная линия развития опирается на низшее, включенное в высшее и так называемое «свободное» низшее¹³. Аналогичным образом исключается из участия в развитии и случайность. При этом необходимость развития системы всецело определяется ее внутренней необходимостью. Отсюда, естественно, легко сделать вывод, что «в предельно широком теоретическом плане идеи закономерности и направ-

¹⁰ Ф. Энгельс. Диалектика природы. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 363.

¹¹ В. В. Орлов. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974, с. 170.

¹² Там же, с. 107.

¹³ Там же, с. 154—156.

¹⁴ Там же, с. 95.

ленности развития выступают как тождественные»¹⁴, а направленность развития есть «направленность развития от низшего к высшему»¹⁵. Итак, развитие осуществляется исключительно в силу «чистой», «голой» необходимости. Но как же тогда быть с положениями марксистско-ленинской диалектики о всеобщем характере, органической взаимосвязи необходимости и случайности, о случайности как форме проявления и дополнения необходимости?

Если считать, что система, которая развивается от низшего к высшему, представляет собой абсолютно автономную, изолированную систему, то низшее (абсолютно изолированная система) «имеет двойственное содержание: непосредственные специфические свойства и закономерности низшего как низшего и имплицитное, неразвернутое, зародышевое содержание, которое в процессе дальнейшего развития развертывается и оформляется в высшую ступень организации»¹⁶. Другими словами, высшее в низшем всегда содержится как реальная и единственная возможность. При этом игнорируется многообразие возможностей изменения системы, их характер, факт борьбы возможностей при реализации любой возможности. В итоге объяснение развития у В. В. Орлова сводится к тавтологии: «возникновение нового имеет своей основой способность возникновения нового»¹⁷.

Введение понятия об «основных неуничтожимых потенциальных возможностях развития материи»¹⁸ нисколько не объясняет механизм детерминации развития, возникновение высшего из низшего. Поэтому факт развития от низшего к высшему просто постулируется. Последнее же является вполне логическим следствием игнорирования диалектики внутренних и внешних условий, необходимости и случайности, общего и особенного, абстрактной и реальной возможностей, подмены абстрактной возможности и даже невозможности реальной возможностью. Всем этим и определяется телеологический характер концепций В. В. Орлова¹⁹.

В заключение отметим, что детерминация развития есть одновременно и развитие детерминации. И как невозможно объяснение развития без исследования его детерминации, так невозможно понять и детерминацию без исследования ее развития. Органическая взаимосвязь принципов развития и детерминизма — одно из фундаментальных положений диалектического материализма, имеющее принципиальное мировоззренческое и методологическое значение.

¹⁵ Там же, с. 170.

¹⁶ Там же.

¹⁷ А. С. Богомолов. Решает ли «концепция уровней» парадокс развития? — «Философские науки», 1970, № 3, с. 69.

¹⁸ В. В. Орлов. Материя, развитие, человек, с. 105.

¹⁹ См.: С. Г. Шляхтенко, Н. А. Бушуева. Принцип всеобщей взаимосвязи и направление развития. — В сб.: Проблемы диалектического материализма, вып. 1. Л., 1974.

НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ В РАЗВИТИИ

Среди категорий диалектики, отображающих процесс развития, важное место занимают категории необходимости и случайности. Они раскрывают определенную сторону детерминации развития и позволяют показать процесс детерминации как единство (взаимополагание, взаимоотрицание и взаимопереход) внешнего и внутреннего в процессе развития, без которого оно вообще не может осуществляться.

Являются ли факторы, детерминирующие развитие какого-либо явления, внешними по отношению к данному явлению или внутренними? Однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. Ведущую роль в развитии играют внутренние факторы¹, но немаловажна и роль внешних условий, той среды, в которой и за счет которой совершается развитие. Теоретически несостоятельна абсолютизация роли как внешних условий, так и внутренних факторов развития. В последнем случае игнорируется связь изучаемого в аспекте развития явления с другими явлениями, что приводит в конечном счете к отрицанию принципов всеобщей взаимосвязи явлений материального мира и их единства. Отрицание роли условий в процессе развития объективно связано с идеей преформизма: все содержание процесса развития заранее заключено внутри развивающегося явления (безразлично, актуально или потенциально). Развитие выступает не как действительная история, а как осуществление «проекта».

Понимание необходимости как важнейшей категории для объяснения детерминации развития требует учета всех этих моментов. Необходимость — это «тип связи явлений, определяемый их внутренней основой и совокупностью условий их возникновения, существования и развития»². Каждому уровню действительности и, соответственно, конкретному уровню (виду) развития присущ специфический тип необходимости, особенности которого определяются характером внутренних факторов данного вида развития, его внешних условий и способом «соединения» внешнего и внутреннего в данном виде развития. Под случайностью же понимается связь

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317—318.

² Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 35.

явлений, определяемая внешним образом: либо закономерностями, принадлежащими более широкому кругу явлений, либо «пересечением» закономерностей, принадлежащих явлениям одного и того же уровня; это форма проявления и дополнение необходимости³.

Объективное существование случайности свидетельствует о том, что необходимость не существует в застывшей форме, она также подвержена изменению и развитию вообще, по отношению к каждому уровню действительности и виду развития.

Задача данной статьи — рассмотреть диалектически противоречивое соотношение необходимости и случайности в процессе становления нового.

Рассмотрение необходимости как развивающегося явления раскрывает процесс ее перехода из одной формы в другую. Смена форм необходимости предполагает изменение внутренней определенности и внешних условий существования того объекта, развитие которого определяет данная необходимость. Следовательно, изменение формы необходимости может быть понято только с точки зрения изменения объекта, его развития от старого к новому.

Значение категории необходимости для описания развития в аспекте становления нового заключается в том, что она фиксирует внутренне детерминированный (активный) и направленный характер этого процесса. Категория случайности подчеркивает роль внешних условий в этом процессе и его ненаправленный характер. Какова же связь необходимости и случайности в этом случае?

Если взять тот момент в процессе становления нового, когда старое исчезает, а новое еще не появилось, то данный развивающийся объект абстрактно может стать всем. Смысл этого положения заключается только в том, что именно процесс превращения «обнажает» скрытую до сих пор частными формами некую всеобщую суть: всеобщую взаимосвязь материальных тел, которую можно рассматривать не только в актуальном, но и в генетическом плане. Данная абстракция применима к некоторой идеальной модели развития, выражающей его сущность, модели, свободной от тех ограничений, которые накладывают на нее та или иная конкретная ситуация развития. Эта модель способна играть важную методологическую роль в объяснении развития.

Абстрактная необходимость превращения данного объекта «во что угодно» оставляет открытым вопрос о направленности процесса изменения. В то же время данный объект может превратиться лишь в нечто конкретное, и та же самая абстрактная необходимость оказывается случайностью по отношению к конкретной форме превращения. Так выглядит процесс превращения в его исходном пункте. Анализ же с позиции результата показывает, что процесс становления нового детерминирован от начала и до

³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, с. 175.

конца и обладает определенной направленностью. Следовательно, в конечном пункте превращения необходимость существует в конкретной, относительно развитой форме, тогда как в исходном пункте — в абстрактной форме, неотличимой от случайности. Можно предположить, что случайность есть форма возникновения новой необходимости⁴, форма ее существования в абстрактном (неразвитом) виде. Новая необходимость не возникает до процесса превращения, она сама становится (возникает) вместе с тем явлением, развитие которого детерминирует.

Процесс становления новой необходимости как динамическая основа процесса развития в аспекте становления нового выступает как единство направленного и ненаправленного и может быть конкретизирован посредством описания «конкуренции» различных возможностей. Этим преодолеваются финалистские тенденции, связанные с таким анализом превращения старого в новое, когда предполагается однозначно определенная направленность этого превращения, вне диалектически противоречивого соотношения направленности и ненаправленности. «Так называемое историческое развитие,— отмечал К. Маркс,— покоится вообще на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике»⁵.

Абстрактный характер зарождающейся необходимости определяется тем, что она как бы «рассеяна» среди нескольких возможностей, которые несут в себе различные формы (варианты) внутренней стороны необходимости, а также целого ряда внешних условий, совокупность которых в предельном случае составляет окружающую среду. Внешние условия являются носителями внешней стороны необходимости. Конкретизация (становление новой) необходимости есть соединение одной из возможностей как носителя внутренней необходимости с определенным рядом условий ее превращения в действительность, т. е. соединение внутренней и внешней сторон необходимости. Это соединение случайно в том отношении, что оно может произойти или не произойти (и потому развитие ненаправленно) и необходимо в том же самом отношении (и потому развитие направленно). Чем же определяется то обстоятельство, что процесс превращения все-таки совершается и развитие как бы «выбирает» один из возможных вариантов, приобретая определенную направленность?

Следует иметь в виду, что до сих пор рассуждение велось с точки зрения абстрактной модели развития. Указанный же вопрос определяет границу применения этой абстракции. Его решение возможно только на основе анализа конкретной ситуации развития. Ограниченность модели связана с тем, что в качестве объекта

⁴ См.: В. Ф. Паркин. Диалектика необходимости и свободы при социализме. М., 1973, с. 9.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 42—43.

развития выступает не конкретный объект с собственной историей, качественными определенностями и т. д., а некий «объект вообще», лишенный качественной определенности.

Конкретный объект обладает определенной структурой, способом взаимодействия с окружающими условиями. Исходным пунктом его изменения является не «ничто», а «нечто», достигнутый ранее уровень развития, который определяет меру активности данного объекта. Та или иная определенность объекта в процессе превращения не исчезает вообще, а обуславливает его активное, избирательное отношение к изменяющимся внешним условиям, его способность к отбору соответствующих условий в исходном пункте превращения. Когда же отбор совершается, та или иная возможность нового, коренящаяся в объекте развития, соединяется с внешними условиями и «сбрасывает» свою потенциальную форму. Тем самым совершается актуализация новой необходимости — в исходной, неразвитой форме. «Возможное перед своим превращением в действительность,— пишет М. Н. Руткевич,— рано или поздно становится необходимым, т. е. таким возможным, которое обязательно реализуется»⁶.

Отмеченные характеристики процесса превращения и становления новой необходимости более отчетливо проявляются при анализе высшей формы развития — творческой деятельности человека⁷. Дело в том, что в процессе развития объект (неорганическое тело, организм и т. д.) с помощью избирательного (направленного) отражения совершал бессознательный отбор внешних условий реализации той или иной возможности. Поскольку отбиралось только то, что было в наличии в данной среде объекта, процесс отбора был растянут во времени вплоть до бесконечности (что означает в данном случае невозможность осуществления данного развития). В процессе творческой деятельности ее субъект совершает сознательный выбор, во-первых, той или иной возможности (соответственно — направления развития), во-вторых, необходимых внешних условий ее реализации, прибегая к изменению окружающей среды с помощью средств деятельности. Средство деятельности — фактор, коренным образом преобразующий систему детерминации данной формы развития. Центральное положение средств деятельности среди детерминант творческой деятельности означает, что их носитель — субъект становится пунктом пересечения различных вариантов развития. Если в случае бессознательного отбора направление развития определяется соотношением необходимости и случайности, то в случае сознательного выбора направление определяется соотношением свободы и необходимости.

Свобода представляет собой процесс осознанной реализации необходимости. «Развитие сознания у каждого отдельного человеческого индивида и развитие коллективных знаний всего че-

⁶ М. Н. Руткевич. Диалектический материализм. М., 1973, с. 450.

⁷ См.: В. А. Босенко. Диалектика как теория развития. Киев, 1966.

ловечества на каждом шагу показывает нам... превращение слепой, непознанной необходимости, «необходимости в себе», в познанную «необходимость для нас»⁸. Сферой возникновения новой необходимости по-прежнему является случайность; свобода же выступает как требование, которое субъект предъявляет разрешаемой задаче, т. е. как выражение способностей и потребностей субъекта — субъективная возможность. Это — одна сторона свободы. Вторая сторона свободы — осознание объективной возможности и заключенной в ней необходимости, т. е. соотношение «потенциальной» необходимости с формами человеческой деятельности и конституирующими эти формы средствами — целеполагание. Рассматриваемая на этом уровне свобода в силу своего характера долженствования (цель есть закон действия) играет специфическую роль по отношению к нарождающейся необходимости, направляя ее на удовлетворение человеческих потребностей как на конечную (высшую) цель общественного развития. Одновременно с формированием новой необходимости складывается определяющая сторона свободы — свобода действия. Поэтому творчество как атрибутивная характеристика деятельности, выражающая ее сущность, может быть определено как свободная деятельность, основанная на познании необходимостей природы и истории. Это весьма общее определение может быть конкретизировано по следующим направлениям: социальная природа творчества, роль и место субъекта в творчестве, специфика детерминации творчества.

В заключение можно сказать, что диалектическое соотношение необходимости и случайности, раскрывая единство внешнего и внутреннего в детерминации развития, позволяет понять диалектический характер необходимости как развивающегося явления. Проведение диалектического взгляда на естественную, природную необходимость позволяет понять ее как предпосылку и основу своей высшей формы — социальной необходимости, которая, развиваясь, все более и более превращается в историческую свободу⁹. Историчность необходимости (в ее природной и социальной формах) определяет ее относительный характер, влияние на человеческую деятельность, возможность преобразования в соответствии с познанными закономерностями развития природы и общества, возможность подчинения человеку.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 197.

⁹ См.: М. Н. Руткевич. Идеи Ф. Энгельса о превращении исторической необходимости в свободу и их значение для современности. — «Философские науки», 1970, № 6; В. П. Голубенко. Необходимость и свобода. М., 1974, с. 109.

С. Б. Цымбаленко

ВАРИАНТНОСТЬ РАЗВИТИЯ

Современный этап разработки диалектико-материалистической концепции развития — это ее дальнейшая конкретизация, вскрытие глубинных источников саморазвития материи, его механизмов. Одним из внутренних механизмов изменчивости материи является вариантность.

Проблема вариантности развития обсуждается и в философских дискуссиях о направленности развития, и в научных спорах историков об «азиатском» способе производства, и в гипотезах о происхождении жизни на Земле и во Вселенной, и в дискуссиях о становлении человека. Перечисление можно продолжить, поскольку необходимость осмыслить многообразие путей развития различных областей действительности является существенной чертой исторического исследования.

Несомненно, что вариантность действует как определенный механизм превращения возможного в действительное в ходе развития. Но чем она обусловлена? Каковы закономерности этого процесса? Ответить на эти вопросы мы попытаемся, специально исследуя вариантность развития в живой природе.

Переход возможного в действительное при развитии биологических систем является сложным, многоплановым процессом и разворачивается по следующим основным этапам: 1) вид, популяция (элементарная эволюирующая единица) зарождается, формируется как возможность в другой, «родительской» системе; 2) выходит на арену эволюции (становление нового); 3) разворачивается как действительность и 4) «стареет», способствуя в той или иной мере эволюции других живых систем. Развитие по этапам осуществляется как тенденция, в каждом конкретном случае этот процесс специфичен, неповторим, его разворачивание материально обусловлено.

Исследуя вариантность на первом этапе развития биологических систем, можно вскрыть механизмы формирования возможностей.

Многообразие возможностей образуется в процессе мутагенеза, представляющего собой нарушение порядка, равновесия на физико-химическом уровне живого. Мутации и их комбинации являют-

ся элементарным эволюционным материалом, который составляет генофонд популяции.

Мутации предстают как дезинтегрирующий, разрушительный процесс, как проявление закона возрастания энтропии. Как же возможна тогда роль мутации как механизма биологического развития? Дело в том, что мутагенез не является чисто случайным процессом. За произвольностью мутаций обнаруживается закономерная реализация потенциалов низшего уровня развития¹, т. е. они обусловлены внутренним фактором. Нельзя не учитывать и внешний фактор. Внешняя среда, обеспечивающая средства существования живого, влияет на характер мутаций, может служить их непосредственной причиной. Как внешний фактор действует и связь с другими живыми организмами, перекрещивание с генотипом которых оказывает влияние на генофонд данной системы.

Закономерное появление множества возможностей происходит постольку, поскольку внутренний и внешний факторы действуют в форме круговоротов — многократных взаимодействий причин и следствий, образующих единый устойчивый цикл. Жизнь возникает и развивается на основе круговорота органического вещества — возникновения и распада химических соединений углерода. Опираясь на этот процесс, живое обеспечивает самовоспроизведение, копирование себе подобного. Абиотический круговорот с возникновением живого становится не только его внутренней основой, но и сохраняется как внешнее лоно эволюции. Во взаимосвязи с биотическим круговоротом через обменные процессы в организме, клетке (тоже круговорот) он влияет на мутационный процесс².

Взаимодействие внутреннего и внешнего факторов становится в биологической системе новым, своеобразным круговоротом³. Постоянное воздействие, взаимное изменение внутреннего и внешнего придают этому круговороту незамкнутый, спиралеобразный характер. Обнаруживается связь круговорота и восходящего (или нисходящего) развития биологической системы, порождающая не только количественное, но и качественное многообразие возможностей, постоянно выходящее за рамки замкнутого цикла⁴.

Взаимодействие внутреннего и внешнего факторов приводит к тому, что уже на этапе формирования возможностей включается в действие естественный отбор⁵. В результате отбора происходит сокращение возможностей в генофонде, но выживают опять-таки целые ансамбли носителей информации⁶.

¹ См.: Дж. Бернал. Возникновение жизни. М., 1969, с. 20.

² См.: Н. П. Дубинин. Эволюция популяций и радиация. М., 1966, с. 102.

³ См.: К. Маркерт, Г. Уршпрунг. Генетика развития. М., 1973, с. 155, 158.

⁴ См.: М. Эйген. Самоорганизация материи и эволюции биологических макромолекул. М., 1973, с. 13.

⁵ См.: Н. В. Тимофеев-Ресовский. Внутрипопуляционные генетические равновесия. — В сб.: Философские проблемы эволюционной теории, ч. 1. М., 1970, с. 42.

⁶ См.: М. Эйген. Самоорганизация материи..., с. 57.

Спектр возможностей оказывается качественно и количественно ограничен действием внутреннего и внешнего факторов. Качественная определенность проявляется в наличии ряда правильностей в многообразии возможностей данной популяции, что выражается в законе гомологических рядов наследственной изменчивости⁷. Потенции развития оказываются неравнозначными: все возможности имеют различную вероятность осуществления.

Суть второго этапа прогрессивной эволюции живых систем — скачок, более или менее постепенный, от возможности к действительности. Если на первом этапе вариантность существует как многообразие противоречивых возможностей, то на этой стадии она проявляется как взаимодействие «пробных» вариантов, поиск формы нового вида, процесс беспрестанных поправок и переделок.

Почему же при становлении новой биологической системы реализуются не все возможности?

Взаимодействие генотипа со средой, как уже отмечалось, опосредуется цитоплазматическим окружением клетки, которое является непосредственно, «внутренне» внешним. Для фенотипа как формы проявления генотипической изменчивости таким непосредственно внешним является биогеоценоз или экосистема.

Биогеоценоз — это биосфера в миниатюре, первичная ячейка эволюции вида. Она включает не только абиотические факторы, но и сообщество других видов, находящихся на самых разных ступенях развития⁸. Необходимость такого сообщества была подчеркнута В. И. Вернадским: «...Среди миллионов видов нет ни одного, который мог бы исполнять один все геохимические функции жизни, существующие в биосфере изначально. Следовательно, изначально морфологический состав живой природы в биосфере должен быть сложным»⁹.

Через биогеоценоз вид включается в общий биотический круговорот и, в конечном итоге, представляет собой функцию своего положения в эволюирующей биосфере¹⁰.

То, что новый вид выходит на арену эволюции в сообществе с другими, проявляется в той или иной жесткости межвидового отбора. В результате а) новый вид формируется, как правило, на периферии экосистемы, где отбор менее жесток; б) первоначально новообразующаяся система появляется как узкий пучок вариантов, обладающих «средней» вариантностью («неспециализированных»), еще не порывающих окончательно с «родительским» видом, заимствующих его форму.

Далее происходит перекрещивание этих первоначальных форм. В результате образуется исходная форма нового вида, «усредняю-

⁷ См.: Н. И. Вавилов. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Л., 1967, с. 40.

⁸ См.: М. М. Камшилов. Эволюция биосферы. М., 1974, с. 83—84.

⁹ В. И. Вернадский. Биогеохимические очерки. М., 1940, с. 205.

¹⁰ См.: М. М. Камшилов. Эволюция биосферы, с. 70, 91.

щая» исходные варианты; отбор идет в пользу тех из них, которые отличаются большей универсальностью, хотя и более просты по своему строению¹¹.

Так как внешний фактор не способен непосредственно изменить форму нового вида, это осуществляется через изменение генотипа под действием естественного отбора. Происходит возврат к «старой» форме, предварительно уведенной в мобилизационный резерв изменчивости, но уже на иной основе¹².

С утверждением формы нового вида происходит перестройка его наследственной основы и начинается собственно история — видообразование. На этом этапе осуществляется максимальное для данной экосистемы число возможностей — образуется множество особей. Это совпадает обычно со значительными колебаниями во внешней среде. Старые формы, не приспособленные к ним, уступают дорогу новым, стремительно завоевывающим жизненное пространство.

Какова же роль множественности для развития вида? Как происходит взаимодействие особей?

Первоначально спектр вариантов является непрерывным, но вступает в действие естественный отбор. Он обеспечивает уничтожение промежуточных вариантов и взаимоприспособление сохраняющихся. Образуется ряд узких пучков вариантов — рас, подвидов, обладающих относительной самостоятельностью. Это высшая стадия эволюции — образование вида как организованной системы особей (вариантов). Происходит их дифференциация и интеграция, образование центра и периферии биологической системы. Дивергенция возможностей переплетается с конвергенцией, ведущей к образованию сходных пучков вариантов. Вид характеризуется качественной (гомологичность) и количественной (вероятность) определенностью.

Процесс новообразования при этом не прекращается. Возникновение новых вариантов происходит через изменения в наследственной основе двумя путями. С одной стороны, это изменчивость, связанная с закономерностями изменения хромосом или их аналогов у низших организмов, с другой — обусловленная тем, что первичная изменчивость реализуется по-разному¹³. Имеет место взаимопереход содержания (генотипа) и его фенотипической формы, переход абстрактных возможностей в реальные и их превращение в действительность. При этом элиминация вариантов в результате отбора может иметь относительный характер, так как часто сохраняется их наследственная основа. Эти варианты уводятся в резерв, который может быть использован при дальнейшей эволюции в иной форме.

¹¹ См.: И. И. Шмальгаузен. Проблемы дарвинизма. Л., 1969.

¹² См.: Н. В. Тимофеев-Ресовский и др. Краткий очерк теории эволюции, ч. 3, гл. 13. М., 1969.

¹³ См.: М. М. Камшилов. Эволюция биосферы, с. 140.

Внешний фактор, обуславливающий фенотипическую форму, играет созидательную роль. Более того, в ходе развития живого под воздействием внешней среды происходит преобразование последней, и таким путем генотип передает часть своего контроля внешней среде, т. е. другим генотипам¹⁴. «Среда не только оценщик и сортировщик признаков, она и создатель самого эволюционного материала, имеет место феногенез»¹⁵. Естественный отбор как механизм взаимодействия внутреннего и внешнего факторов выступает при этом как творческий процесс. Он действует в двух основных формах: стабилизирующей и движущей¹⁶.

Стабилизирующая форма отбора — это незначительные изменения установившейся системы вариантов, существование ее благодаря подавлению вновь возникающих вариантов в пользу тех, которые являются нормой, ведущим направлением. Движущая форма отбора — это перенесение в ходе отбора вектора направленности на другой пучок вариантов и оттеснение старого на периферию биологической системы или его элиминация.

Взаимодействие двух форм естественного отбора представляет собой диалектическую связь устойчивости и изменчивости, качественных и количественных изменений вида. Происходит постоянное «колебание качества и количества» биологической системы¹⁷.

Итак, на всех трех этапах развитие вида представляет собой вариантный процесс. От качественного и количественного многообразия внутри вида зависит его устойчивость и конкурентоспособность. И перспективность тоже. «Чем выше многообразие особей, чем выше их численность, тем выше энтропия и выше возможность ее снижения, т. е. прогрессивной эволюции»¹⁸.

Развитие конкретной биологической системы противоречиво. Она имеет определенный диапазон изменчивости и не может идти по пути бесконечного прогресса. Неизбежным оказывается этап «старения». Внутри биологической системы формируются новые популяции, а данный вид сходит с пути прогресса. История как бы повторяется. Варианты, отличающиеся наибольшей универсальностью, выступают основой нового вида, прорываются на высшую ступень развития. Остальные эволюируют по пути одноплоскостного развития, специализации различной степени, регресса. При этом действует закономерность: вектор направленности легко переходит от прогрессивного направления к одноплоскостному и специализированному, а обратный переход затруднен, хотя и воз-

¹⁴ См.: М. М. Камшилов. Эволюция биосферы, с. 159; К. Маркерт, Г. Ури-пруг. Генетика развития.

¹⁵ М. М. Камшилов. Эволюция биосферы, с. 145.

¹⁶ См.: И. И. Шмальгаузен. Проблемы дарвинизма, ч. 2, гл. 3.

¹⁷ С. С. Шаарц. Эволюционная экология животных. Свердловск, 1969, с. 79.

¹⁸ И. И. Шмальгаузен. Факторы прогрессивной (ароморфной) эволюции. — В сб.: Закономерности прогрессивной эволюции. Л., 1972, с. 12—13.

можен¹⁹. К последующему прогрессивному развитию способны лишь «средней» степени специализированные варианты²⁰.

На этапе «старения» систем обнаруживается роль вариантности как механизма формирования неравномерности развития. Вариантность обеспечивает взаимопереходы различных направлений эволюции данной системы.

Вариантность характерна не только для развития видов, но и экосистем, биосферы в целом. Формирующаяся при этом неравномерность усложняет структуру вариантной системы, является существенным условием биотического круговорота. К примеру, сохранение низших форм живого делает возможным регуляцию круговорота органического вещества, обеспечивает нормальное функционирование биосферы, биогеоценозов как ее элементов²¹.

В общем виде вариантность развития живой природы выражается в противоречивом единстве моно- и полифилии. Полифилия — это наличие многообразия, неравномерности в эволюции. Монофилия — выражение эволюционного родства многообразия вариантов. Обе черты являются сторонами единого процесса развития живого на Земле.

Можно сделать следующие выводы:

1. Значение вариантности в эволюции живой природы заключается в обеспечении сложности, преодолевающей энтропийный процесс, вариантность является механизмом эволюционной пластичности.

2. Мутагенез и естественный отбор (стабилизирующий и движущий) служат основными механизмами вариантного развития. Они действуют в специфической форме на всех этапах эволюции живых систем.

3. Данные механизмы обусловлены внутренним и внешним факторами развития живого, действующими в форме незамкнутых, спиралеобразных круговоротов.

Исследование внутреннего и внешнего факторов развития живого выводит на низшие формы материи, где обнаруживаются истоки биологических механизмов. «Во всех случаях возникновение нового — развитие оказывается результатом взаимодействия сложных активных частей системы. Непременным итогом такого взаимодействия являются различные формы отбора и выбора. Открытый Дарвином естественный отбор, таким образом, представляет собой частный случай универсальной закономерности развития, свойственной всей природе»²².

Исследование происхождения жизни на Земле вскрывает характер этой универсальной закономерности. В ходе химической

¹⁹ См.: А. Н. Северцов. Главные направления эволюционного процесса. М., 1967.

²⁰ См.: К. М. Завадский, Р. В. Жердев. Проблема специализации в эволюции. — В сб.: Философские проблемы эволюционной теории, ч. 1.

²¹ См.: М. М. Камшилов. Эволюция биосферы, с. 244.

²² Там же, с. 194.

эволюции тоже происходит вариантный поиск, отбор²³. На химическом и физическом уровнях обнаруживаются аналоги самовоспроизведения, обратной связи²⁴.

Изучение глубинных истоков жизни смыкается с исследованием внешнего фактора эволюции биологических систем — космических объектов. Это позволяет вскрыть особенности физико-химического уровня вариантного процесса, специфическую основу механизма поставки многообразия на этом уровне. Таковой является микромир, который существует не наряду с мегамиром, а оказывается подсистемой последнего²⁵. Отбор возникающих при этом вариантов возможен постольку, поскольку и в неживой природе необратимое развитие осуществляется через обратимость, круговороты в микропроцессах и космической материи в целом. Отсутствие целесообразности, присущей живому, восполняется большим числом проб, «пробеганий» по различным вариантам развития. Это создает возможность перехода с низшего уровня развития на высший — происхождение жизни.

На определенном этапе развития живого появляется человек. Он подключается к процессу развития биосферы, а в перспективе — и к развитию космических объектов. В основе прогностической деятельности человека — вариантный характер неживого и живого уровней развития материи²⁶. Общество становится направляющим звеном в общем природном круговороте. Системой социального развития, обуславливающей многообразие путей изменения общества, является система «человек — техника». Даже тончайшие психические процессы оказываются взаимосвязаны с техникой, опосредованы ею²⁷.

Таким образом, закономерности и механизмы вариантного развития, обнаруженные при исследовании эволюции живого, действуют в специфической форме и на других уровнях материи, являются всеобщими. Не случайно поэтому вариантность как одна из сторон направленного развития становится в последнее время объектом философского исследования.

Основа вариантности — всеобщее взаимодействие материальных объектов²⁸, где цепочки причинных связей замыкаются в единый цикл, образуют круговорот материи. Наличие такой устойчивости, цикличности обеспечивает целостность процесса развития,

²³ См.: Дж. Бернал. Возникновение жизни; М. Кальвин. Химическая эволюция. М., 1970.

²⁴ См.: М. Эйген. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул.

²⁵ См.: В. А. Амбарцумян. Проблемы современной астрономии и физика микромира. — В сб.: Философские проблемы физики элементарных частиц. М., 1964.

²⁶ См.: А. М. Гендин. Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск, 1970.

²⁷ См.: Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования. М., 1956.

²⁸ См.: С. Г. Шляхтенко, Н. А. Бушуева. Принцип всеобщей взаимосвязи и направление развития. — В сб.: Проблемы диалектического материализма, вып. 1. Л., 1974.

является формой проявления единства мира²⁹. Обратимость не означает застоя. Это своеобразная форма изменчивости, обуславливающая ее направленность, наличие определенных рядов возможностей развития.

Круговорот материи не является замкнутым. Бесконечность материального мира, бесконечность связей и взаимодействий приводит к тому, что цикличность оказывается не формой изменения наряду с развитием, а моментом, внутренней основой процесса новообразования. В результате развитие имеет спиралеобразный характер, проявляется как единство и борьба многообразных тенденций изменчивости материи, как вариантный процесс.

²⁹ См.: Я. Ф. Аскин. Категория структуры и проблема детерминации процесса развития. — В сб.: Проблемы детерминизма в свете системно-структурного анализа. Саратов, 1970, с. 21.

СИСТЕМНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ

Проблема развития является стержневой проблемой диалектики. Не удивительно, что анализу категории «развитие» (очерчиванию ее смыслового поля, выявлению ее статуса в рамках системы категорий диалектики, выяснению характера ее взаимосвязей с последними и т. д.) посвящено большое количество исследований. Более углубленная разработка концепции развития осуществляется в настоящее время с учетом качественной специфики различных форм организации и движения материи.

Обогащение концепции развития достигается также благодаря тому, что, реализуя тезис о необходимости связать, совместить всеобщий принцип развития с принципом единства мира, в последнее время все большее внимание начинают обращать на другой, не менее важный принцип диалектики — принцип всеобщей связи. Эксплицируя его через ряд традиционных категорий диалектики, а также таких, как структура, функционирование, система и др., к проблеме развития выходят через выяснение организации развивающегося объекта. При таком подходе развитие предстает не просто в «чистом» виде, а с учетом того, что лежит в его основе, составляет его фундамент. Понимание объекта развития как *системно* организованного, причем сохраняющего системный характер своей организации на любом этапе его развития, дает весьма ценные в методологическом отношении регулятивы для познания и теоретического воспроизведения механизмов развития. В частности, это позволяет усмотреть определенный характер связи между аспектами системы, фиксируемыми понятиями «структура», «функционирование» и «развитие»¹. При этом структуру системы оказывается возможным интерпретировать, с одной стороны, как траекторию развития, взятую в ее снятом, свернутом, очищенном от случайностей виде, т. е. как «застывшую» историю, а с другой — как исходную базу для дальнейшего развития².

¹ См. напр.: Ю. С. Вяткин, В. И. Табуркин. Биологическая эволюция. — В кн.: Общественное содержание научного знания. Свердловск, 1975.

² См.: И. В. Назаров, Н. В. Пономарева. Структура и процесс развития. — В кн.: Категория структуры в системе философских категорий. Свердловск, 1973, с. 56.

Категория структуры употребляется в приведенных высказываниях лишь применительно к некоторому фиксированному уровню организации развивающегося объекта. В простейших случаях такое «одноуровневое» теоретическое воспроизведение структуры может вполне удовлетворять научное исследование. Однако в случае исследования развития так называемых сложных систем их структура должна воспроизводиться с учетом, по крайней мере, двух взаимно дополняющих друг друга принципов — иерархичности и целостности. Принцип иерархичности фиксируется тем, что любая система, с одной стороны, всегда включена в качестве элемента в некоторую более обширную реальность (среду) и, следовательно, всегда является незамкнутой, а с другой — сама представляет собой некоторое множество далее неделимых (в рамках данной системы) элементов — подсистем менее высокого уровня. Несмотря на то, что любая система — это лишь ступенька в иерархической лестнице систем различных порядков, тем не менее, методологически целесообразно рассматривать ее как множество таким образом упорядоченных элементов, где, помимо прочих, существуют связи и отношения, обеспечивающие ей *целостность*, т. е. с одной стороны, замкнутость, относительную самостоятельность, а с другой — придают ей качество, выходящее за пределы простой суммы атрибутивных свойств составляющих ее элементов, взятых порознь, обуславливая этим самым уникальность закономерностей существования данной системы в ряду остальных, иерархически связанных с ней.

По своей направленности указанные принципы противоположны: один фиксирует включенность любой системы в организацию более высокого ранга, т. е. ее «открытость», несамостоятельность, а другой, напротив, — ее замкнутость, автономность, целостность.

Методологическое значение принципа целостности довольно обстоятельно раскрыто в современной литературе. Существенно меньшее внимание пока что обращают на принцип иерархичности³, методологическое значение которого для понимания механизма детерминации процесса развития исторически изменяющихся объектов, на наш взгляд, трудно переоценить. В соответствии с этим принципом объект исследования при теоретическом воспроизведении методологически целесообразно представлять как распадающийся на ряд уровней его организации. Типичные материальные образования каждого уровня теоретически фиксируются в качестве систем и упорядочиваются затем в рамках некоторого иерархического ряда. В результате этого системы разных уровней организации оказываются пронизанными «сквозными» (сверху донизу и обратно) связями. Таким образом, формируется теоретическая модель структуры и функционирования механизма развития исследуемого объекта, среди основных черт которой можно назвать следующие. Системы каждого уровня подчиняются действию специфических закономерностей и качественные изменения:

³ Иногда его называют принципом включенности.

любой из них протекают по своей шкале времени. При этом системный характер организации любой вышестоящей единицы ставит определенные рамки для нижестоящих, векторизуя этим самым изменения в последних. В результате использования системного подхода понимание механизмов детерминации процесса развития становится более четким и приобретает более конкретные черты, чем это обычно удается достичь в традиционно очерчиваемой диалектической концепции развития.

Более конкретно все сказанное можно раскрыть на основе успехов современной биологии в изучении макробиосистем. В первую очередь мы будем опираться на исследования, осуществлявшиеся на протяжении более четверти века под руководством академика С. С. Шварца сначала в рамках Лаборатории, а затем и Института экологии Уральского научного центра АН СССР. Стратегической направленностью этих исследований можно считать выявление сквозных связей между биосистемами разных рангов.

Жизнь дискретна, и ее структуру в современной биологии отображают в основном средствами концепции структурных уровней. Свойства наиболее характерных уровней организации живого теоретически воспроизводят через ряд биосистем, каждая из которых рассматривается как модель типичных образований соответствующего уровня. Обычно вычленяют следующие системы: биосфера, биом, биогеоценоз, популяция, организм, клетка.

Жизнь не только дискретна, но и едина. Ее единство подчеркивается исходной формулой: жизнь — это биосфера. Биосфера — единственный полномочный представитель жизни.

Биосистема каждого уровня организации специфична, характеризуется действием «своих» законов, несводимых к законам других уровней. Тем не менее нельзя не заметить и определенного сходства в жизнедеятельности биосистем всех рангов. Подвергая этот вопрос специальному анализу, С. С. Шварц пишет: «...Поведение организма в популяции и клетки в организме подчиняется сходным закономерностям. Это конечно не означает, что организм можно рассматривать как популяцию клеток, а популяцию как организм высшего порядка... это различные самостоятельные уровни организации жизни. Тем не менее характер связи между элементами этих двух важнейших систем интеграции живой материи практически тождествен»⁴. Надо заметить, что такой вывод делается на основе анализа фактического материала, накопленного в рамках довольно различных биологических дисциплин.

Единство жизни проявляется также и в том, что протекание жизни на всех уровнях ее организации скоррелировано⁵. Привлекая материал различных отраслей биологии, С. С. Шварц показывает взаимную согласованность протекания процессов жизни на различных уровнях — от субклеточного до популяционного, а

⁴ С. С. Шварц. Единство жизни. Свердловск, 1972, с. 94.

⁵ Там же, с. 75.

иногда и биогеоценотического. Связь между различными уровнями настолько тесная, что «изменение на одном из уровней неизбежно приводит к большим или меньшим преобразованиям и на других уровнях»⁶. Уже имеющийся эмпирический материал позволяет «с полным правом утверждать, что существует не только цепь событий «клетка — организм — популяция», но и «популяция — организм — клетка»⁷. И хотя глубинные связи между событиями на разных уровнях столь сложны, что вскрыть их доступными в настоящее время методами или невозможно, или чрезвычайно трудно, «установление этих связей представляет огромный практический и теоретический интерес»⁸. Из сказанного вытекает, в частности, следующее весьма важное с методологической стороны положение: «...нельзя понять жизнь популяции, не зная жизни слагающих ее организмов, но и нельзя понять законы, управляющие развитием отдельных организмов, не учитывая законов, по которым живет популяция»⁹. Все это как будто позволяет предположить, что между самым «высоким» в иерархическом ряду уровнем организации живого — биосферой и самым «низким» — клеткой имеют место противоположно направленные «вертикальные» (в отличие от «горизонтальных» — замыкающихся в рамках биосистемы каждого уровня) связи, многократно опосредуемые промежуточными уровнями.

Однако самым ярким проявлением единства жизни как феномена планетарных масштабов следует считать не простую скоррелированность процессов жизни на всех ее уровнях, а их иерархическую субординированность. Системный характер организации любой высшей единицы живого ставит определенные рамки для нижестоящей, векторизуя этим самым изменения в последней. Другими словами, связи между биосистемами разных уровней, идущие «снизу вверх» и «сверху вниз», не являются вполне равноценными: определяющим, детерминирующим надо считать влияние макробиосистем на микробиосистемы. Это утверждение имеет исключительную методологическую ценность. В более конкретной и доказательной форме оно обосновывается С. С. Шварцем при обсуждении наиболее важных проблем биологии (природы адаптации, механизмов видообразования, фенотипической изменчивости, принципа «оптимального фенотипа», форм отбора и др.) с опорой на исключительно богатый эмпирический материал¹⁰. Не имея

⁶ С. С. Шварц. Единство жизни, с. 69.

⁷ Там же, с. 89.

⁸ Там же, с. 70.

⁹ Там же, с. 95.

¹⁰ См.: С. С. Шварц. Эволюционная экология животных. Свердловск, 1969; Он же. Принцип оптимального фенотипа (к теории стабилизирующего отбора). — «Журнал общей биологии», 1968, т. 29, № 1; «Журнал общей биологии», 1971, т. 32, № 3, с. 383—384; С. С. Шварц. Экология и эволюция. М., 1974; С. С. Шварц, Н. Н. Данилов. О биологических макросистемах. — В кн.: Наука и человечество. М., 1975; С. С. Шварц. Экологические основы охраны биосферы. — В сб.: Методологические аспекты исследования биосферы. М., 1975; и др.

возможности более или менее детально развернуть содержание этого утверждения, попытаемся воспроизвести лишь его логику.

Клетки в организме генетически тождественны, но при этом выполняют весьма разнообразные функции. Следовательно, возможности каждой клетки неизмеримо богаче их конкретной реализации. Чем же определяется то, какие из массы возможностей необходимо реализовать именно этой клетке? — Организмом в целом, и это распределение между всеми клетками организма осуществляется в ходе онтогенеза. Но только ли организмом? — Факты показывают, что и среда принимает в этом участие (не непосредственно, разумеется) — она «действует как своеобразный переключатель с одного возможного пути развития¹¹ на другой»¹².

Стоит обратить внимание на то, что содержание классического и довольно неопределенного понятия «среда» в концепции структурных уровней раскладывается на ряд иерархически соподчиненных уровней: средой для организма выступает в первую очередь популяция, через нее — биоеоценоз, через последний — биом и т. д. В этой связи уместно сослаться на высказывание Г. Патти, получающее все большее признание: «...Не существует такой единицы жизни, которую можно было бы назвать живой безотносительно к внешней среде»¹³. Другими словами, теоретическое воспроизведение любой системы методологически ущербно, если не учитывается среда, в которую она включена.

Из этого следует весьма важный в методологическом отношении вывод: «...Изолированное изучение явлений, протекающих на разных уровнях интеграции жизни, не может быть полноценным. И если до настоящего времени потребность совокупного рассмотрения явлений разного уровня не стала очевидной, то это свидетельствует о том, что мы находимся лишь в самом начале бесконечного пути познания глубинных законов жизни»¹⁴. Исследования в рамках надорганизменной биологии можно считать обоснованными тогда, когда они опираются как на фундамент на данные суборганизменной биологии. И наоборот, лишь учитывая принцип «жизнь — это биосфера», можно достичь более углубленного понимания частных законов, управляющих жизненными процессами на всех нижележащих уровнях организации, вплоть до молекулярного. Другими словами, любое исследование в любой отрасли биологии приобретает наиболее полное истолкование тогда, когда оно осмыслено с высоты этого принципа.

Отмеченное более детальное понимание структуры живого обеспечивает более глубокую трактовку и процесса исторического развития живого. Если эволюционисты прошлого столетия рассматривали эволюцию живого как бы лишь в форме чисто поступательного движения, причем, как правило, во временных рамках

¹¹ Речь идет об онтогенезе.

¹² С. С. Шварц. Единство жизни, с. 90.

¹³ На пути к теоретической биологии. М., 1970, с. 178.

¹⁴ С. С. Шварц. Единство жизни, с. 96.

геологических эпох, то преимущественно экспериментальный характер биологических исследований в XX в. заставлял сосредоточить внимание на эволюционных изменениях существенно меньшей длительности, охватывающих в лучшем случае смену лишь нескольких поколений. Эмпирические и теоретические исследования современных эволюционистов в подавляющем большинстве случаев далеко не охватывают временной интервал даже процесса видообразования, а сосредоточены на анализе элементарных, «пусковых» эволюционных преобразований. Более того, эволюционистов теперь уже начинают интересовать не только элементарные эволюционные (т. е. необратимые) изменения, но и те процессы, что лежат в их основе. Последние же представляют собой *циклические, обратимые изменения*. Начинает выясняться к тому же, что обратимые изменения имеют место, видимо, на всех уровнях организации живого (предмутационные осцилляции на уровне субклеточных образований; морфофизиологические вариации на уровне органов; фенотипическая изменчивость на уровне организмов; сезонные, годовые и т. п. колебания численности на уровне популяций; сукцессии на уровне биогеоценозов и т. п.). Все эти обратимые изменения регулируются какими-то механизмами, удерживающими их в определенных рамках. Таким образом, центр тяжести смещается с проблем узко понимаемой эволюции на проблемы организации (структуры и функционирования), лежащие в основе исторического развития живого. Попытки решать проблемы эволюции «в лоб», без опоры на знание закономерностей структуры и функционирования живого все более отходят в прошлое. Познание элементарных обратимых изменений, раскрытие механизмов функционирования живого на разных уровнях его организации позволяет постичь механику тех процессов, которые лишь в *их интегральном проявлении* (за достаточно длительные промежутки времени) и фиксируются в качестве эволюционных. В результате этого создаются объективные предпосылки для понимания эволюции через другое противоположное и не менее важное свойство живого — его стабильность, устойчивость (динамическую по своей природе), на что одним из первых обратил внимание В. И. Вернадский. При таком подходе эволюция предстает в качестве производной от процессов, объективно приводящих к усилению устойчивости биосистем всех уровней организации — от субклеточных до биосферного включительно.

Такое понимание эволюции фиксирует в более отчетливой форме связь развития объекта с его структурой. Эволюция живого начинает пониматься в качестве исторических изменений, охватывающих все уровни организации живого, причем эволюция каждого из них протекает во взаимной согласованности с необратимыми изменениями, имеющими место на всех остальных. Следовательно, теоретическое воспроизведение развития должно опираться на достаточно детальное знание системной обусловленности развития.

ДИАЛЕКТИКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УНИЧТОЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ

Адекватное описание и объяснение противоречивости развития предполагает обращение внимания к такой его стороне, как взаимосвязь возникновения и уничтожения. Как указывал В. И. Ленин, «надо точнее понять эволюцию как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы»¹. Вопрос о противоречивости возникновения (уничтожения) является классическим в истории философии. Именно поэтому кажется парадоксальным тот факт, что эти понятия почти исчезли из категориального аппарата диалектики. За исключением отдельных работ² мы не найдем специального анализа этих категорий. Не нашлось для них места ни в «Философской энциклопедии», ни в словарях, ни в учебных пособиях. Отчасти это можно объяснить кажущейся простотой этих понятий, не несущих якобы достаточной объяснительной ценности, а отчасти тем, что их содержание неосознанно растворяют в других категориях.

В данной статье мы остановимся на некоторых сторонах проблематики возникновения и уничтожения, главным образом, на содержании этих понятий в их соотношении с другими категориями.

«Если нечто происходит,— писал Кант,— то уже сам факт возникновения безотносительно к тому, что возникает, может быть предметом исследования»³.

В истории философии прослеживаются два односторонних взгляда на природу возникновения. Согласно одному из них, возникновение есть развертывание изначально заложенного содержания. О появлении подлинно нового в данном случае говорить было бы неверно. Истоки этого взгляда уходят в античную философию (Гиппократ, учение Анаксагора о гомеомериях). В философии Нового времени элементы этого воззрения мы находим, например, у Лейбница. Законченное выражение этот взгляд получил в концепции преформизма (Галлер, Боннэ). Вариант логического пре-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

² См.: В. П. Кохановский. Категория возникновения. Автореф. канд. дисс. Ростов-на-Дону, 1968.

³ И. Кант. Критика чистого разума. Соч., т. 3. М., 1964, с. 271.

формизма представляет собой телеологическая сторона гегелевской философии. Во всех случаях мы имеем дело с метафизическим постулированием постоянства мира, вступающим в противоречие с идеей его развития.

Второй взгляд на природу возникновения допускает появление нового из «ничего». Возможность абсолютного возникновения допускает, например, Кант по отношению к «вещам в себе», поскольку они «...не подходят к явлениям как возможным предметам опыта»⁴ и не нарушают его единства. Свой «вклад» в это реакционное воззрение вносят такие концепции, как креационизм (Агассис, Кювье), холизм (Смэтс), эмерджентная эволюция (С. Александер, Л. Морган) и др. Характерным для них является абсолютизация момента появления нового и объяснение его при помощи духовного фактора.

Обоим взглядам свойственна метафизичность, одностороннее преувеличение той или иной стороны возникновения. Поэтому неудивительно, что обе точки зрения оказываются бессильными в объяснении природы возникновения и закрывают путь к подлинно научному его исследованию. Попытки решить проблему возникновения посредством отмеченных двух подходов поставили вопрос об антиномичности самого понятия «возникновение» и показали бесплодность одностороннего решения этой проблемы.

Гегель был глубоко прав, подметив, что каждое понятие может быть антиномичным. «...Более глубокое рассмотрение... диалектической природы разума показывает, что вообще *всякое* понятие есть единство противоположных моментов, которым можно было бы... придать форму антиномичных утверждений»⁵.

Антиномичность понятия «возникновение» заключена в противоречивом его содержании. С одной стороны, возникновение означает переход, удержание, сохранение некоторого содержания и его включение в новое нечто. Благодаря этому становится возможной преемственность, генетическая связь, основа новой вещи, предмета, явления. Именно это значение вкладывается в положение о том, что «нечто может появиться лишь из чего-то и перейти во что-то». С другой стороны, возникновение означает и появление того, чего не было раньше, подлинно нового. В природе и обществе постоянно рождаются, создаются вещи, не имеющие себе подобных, отличающиеся не только количественно, но и качественно. Сознание, не учитывающее этого момента, неизбежно попадает в парадоксальные ситуации⁶.

В истории философии категория «возникновение» формировалась в паре с категорией «уничтожение», которая, будучи соотносительной с возникновением, с необходимостью несет в себе тождественное и различное с ней содержание. Рассматриваемые понятия тождественны в том отношении, что оба имеют значение постоянства,

⁴ Там же.

⁵ Гегель. Наука логики, т. 1. М., 1970, с. 263.

⁶ См.: В. В. Орлов. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974, с. 111.

удержания, сохранения содержания. Уничтожение ведет не к пустому небытию, «голому» ничто, а всегда имеет в качестве итога определенный результат, некоторое содержание. Однако если возникновение означает переход от небытия к бытию, т. е. ведет к появлению нового нечто, то уничтожение есть переход от бытия к небытию, исчезновению некоторого нечто. Поэтому уничтожение также обладает двойным значением: с одной стороны, оно означает сохранение, постоянство, а с другой — прехождение, гибель какого-либо содержания.

Поскольку возникновению и уничтожению может быть подвержен один и тот же качественный субстрат, относящийся к одному и тому же структурному уровню материи, постольку они (возникновение и уничтожение) обладают единым субстанциальным тождеством, а следовательно, могут быть рассмотрены как различия одной и той же сущности, т. е. как существенные различия. «Только те различия, которые могут быть рассмотрены в рамках единой субстанциальной основы, в рамках тождества, служат основой и условием возникновения противоречия. *Через субстанциальное тождество различия выступают как противоположности, как стороны противоречия*»⁷.

Самопротиворечивость возникновения (уничтожения) выражается в отношениях взаимополагания, взаимоотрицания и взаимопроникновения.

Процессу возникновения постоянно сопутствует процесс уничтожения, они обуславливают друг друга и существуют только в единстве. Возникновение создает условия, материал для уничтожения и наоборот. Смерть является неизбежным спутником жизни, диссимилиация — необходимым условием ассимиляции. Одновременно эти процессы отрицают друг друга. Возникновение ведет к появлению нового, в то время как уничтожение означает разрушение существующего, возврат к старому состоянию (хотя абсолютно его не повторяет).

Необходимое условие познания самопротиворечивости вещи заключается в том, чтобы представить ее как «свое другое», а в последнем увидеть его собственное отрицание.

«Становление, — пишет К. Фишер, — есть возникновение и исчезновение; однако оба эти момента соединены в становлении не во времени и внешне, не так, чтобы сначала было возникновение, а затем исчезновение, и чтобы между ними имело место еще соединение, обозначенное словечком «и». Между ними нет ничего третьего. Возникновение само по себе есть также исчезновение»⁸.

Взаимопереход, взаимопроникновение противоположностей обнаруживается в том, что возникновение содержит в себе уничтожение, является «своим другим» в следующих отношениях: 1) возникновение означает уничтожение небытия предмета (возможность

⁷ В. В. Ким. Тождество и различие как категории материалистической диалектики. Свердловск, 1969, с. 33.

⁸ К. Фишер. История новой философии. Соч., т. 8. СПб., 1902, с. 461—462.

его существования реализуется), 2) возникновение есть свое собственное исчезновение, 3) возникновение означает неизбежную гибель, уничтожение бытия предмета (всякое начало существования с необходимостью связано с его концом).

Уничтожение также содержит в себе «свое другое» в трех отношениях: 1) уничтожение бытия предмета есть возникновение его небытия (актуальное переходит в потенциальное), 2) уничтожение означает свое собственное возникновение, 3) уничтожение ведет к возникновению нечего как своему результату.

Возникновение, понятое как уничтожение (и наоборот), определяет становление как ставшее («наличное бытие») и одновременно как закрепление результатов уничтожения. Не случайно поэтому Гегель связывает понятия времени и становления. «Небытие бытия, место которого заняло «теперь», является прошедшим, бытие небытия, содержащееся в настоящем, является будущим... Конкретное настоящее *есть результат прошедшего и оно чревато будущим*. Истинным настоящим, таким образом, является вечность»⁹ (подчеркнуто мной.— А. К.).

Следовательно, взаимосвязь возникновения и уничтожения свидетельствует о том, что процессуальный характер мира не есть повторение одного и того же, «топтанье» на месте, а означает изменение содержания исторического процесса. Неучет этого фактора приводит, по существу, к отождествлению возникновения и уничтожения, к снятию процесса становления, развития.

Момент преемственности, сохранения и закрепления содержания ведет к тому, что становится бессмысленным говорить об абсолютном возникновении или уничтожении материи. Эта абсолютность противоречит не только фундаментальным принципам научного знания (например, закону сохранения), но и природе самих этих явлений (понятий).

Однако сказанное не означает, что рассматриваемые категории не всеобщи. Допустив их ограниченность, мы неизбежно столкнемся с парадоксом возникновения возникновения, подмеченным еще Аристотелем: «...если возникло когда-нибудь простое возникновение, то возникло и возникающее... и снова оно когда-то возникло... В результате ничто не сможет ни возникать, ни двигаться, ни изменяться»¹⁰.

Следует заметить, что бесконечность возникновения Аристотель связывает с вечной и неизменной сущностью — формой форм, или перводвигателем. В ней он усматривает необходимое условие возникновения и уничтожения конкретно-чувственных вещей.

В. И. Ленин отмечал, что Аристотель путается «именно в диалектике общего и отдельного»¹¹. Вечное как общее не существует отдельно от преходящего как единичного, оно является его сторо-

⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук, ч. 2. Философия природы. М., 1975, с. 59.

¹⁰ Аристотель. Физика. М., 1936, с. 92.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 327.

ной, моментом. Исчезновение конкретных форм материи означает не гибель ее, а переход в другие формы.

Избежать парадокс возникновения можно лишь признав всеобщность, неустрашимость феномена возникновения-уничтожения. На то, что материя обладает вечной способностью к возникновению-уничтожению, указывал Ф. Энгельс: «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему»¹².

Ясно, что применять понятия «возникновение»-«уничтожение» к самой материи как объекту,— значит признавать некоторую реальность помимо материи, чьим предикатом она является. Возникновение-уничтожение *принадлежит* материи, но не наоборот. Данный предикат вечен и неустрашим, как вечна и неустрашима сама материя.

Рассматривая возникновение и уничтожение как противоположности, находящиеся в отношении взаимоположения, взаимоотрицания и взаимопроникновения, мы можем сделать вывод об объективной их неравноправности, ведущей роли в общем и целом одной и подчиненной роли другой, однако это не исключает того, что в отдельных случаях они могут меняться местами.

Неравноценность двух явлений заключена прежде всего в их содержании. Если момент сохранения, перехода является тождественным, общим для обоих, то момент различия характеризует их соотношение как *общего и особенного*.

Характерная черта возникновения заключается в том, что оно ведет к появлению нового нечто не только в количественном, но и в качественном плане (новые формы и виды материи), уничтожение же имеет своим следствием уже пройденный этап в развитии (несмотря на то, что в количественном отношении могут возникать новые явления, общая природа их будет лишь повторением пройденного). Именно в этом аспекте возможности уничтожения и возникновения неравномощны. Уничтожение, будучи всеобщей стороной материального мира, находится в отношении к возникновению как ведомое и в этом смысле производное от него¹³.

Доминирование одной или другой тенденции означает разные типы становления. Этот вопрос требует специального рассмотрения. Можно полагать, что в случае преимущества момента возникновения мы наблюдаем тип прогрессивного становления, в противном случае — регрессивного. Равновесное их состояние, вероятно, ведет к особому изменению без значительного повышения или понижения уровня организации, сложности — одноплоскостному развитию.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 276.

¹³ См.: М. Н. Матвеев. Асимметрия противоречия — внутренний источник развития. — «Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. Философия», 1974, № 5.

На важность исследования взаимосвязи возникновения и уничтожения, прогресса и регресса обращал внимание Ф. Энгельс: «точное представление о вселенной, о ее развитии и развитии человечества... может быть получено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными»¹⁴.

Таким образом, полярность рассматриваемых категорий отображает реально существующее противоречие между возникновением и уничтожением, их самопротиворечивость.

Адекватное отражение наиболее существенных сторон объективной реальности становится возможным благодаря системе взаимосвязанных категорий. Уточнение субординации и координации, в частности, на основе установления своеобразных «гнезд» категорий, представляет важную задачу материалистической диалектики, поскольку содержание той или иной категории раскрывается достаточно полно лишь в связи с другими, близкими по значению, понятиями.

По отношению к возникновению (уничтожению) таковыми выступают изменение, становление, снятие, отрицание, преемственность, скачок, прерывность, непрерывность и др. Мы рассмотрим взаимосвязь возникновения лишь с некоторыми из перечисленных категорий.

Соотношение возникновения и изменения характеризуется тождественностью и различием. Момент тождества выражается в том, что объем понятия «изменение» шире, чем объем понятия «возникновение», т. е. последнее включается в первое. Это обнаруживается в том, что изменчивость, как сторона изменения, взятая в противоположность устойчивости, обладает особым способом существования, а именно возникновением и уничтожением. На эту сторону обращал внимание Кант: «...Только постоянное (субстанция) изменяется, изменчивое подвергается не изменению, а только *смене*, состоящей в том, что некоторые определения исчезают, а другие возникают»¹⁵.

Момент развития со всей очевидностью выступает при сравнении содержания этих понятий. Понятие изменения охватывает процесс возникновения, но оно ничего не может сказать о самом феномене возникновения, раскрыть его сущность, закономерности. Возникновение (уничтожение) специфично, оно обладает собственным противоречивым содержанием, которое не может быть выражено на языке категорий «устойчивость» и «изменчивость». Описание и объяснение механизма возникновения посредством этих понятий ничуть не проясняет сути дела; назначение их в другом — обобщить, охватить реальное многообразие процессов, выразить наиболее общую сторону движения, которой является противоречивое единство текучести и постоянства. Категории «возникнове-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 22.

¹⁵ И. Кант. Критика чистого разума, с. 257.

ние» («уничтожение») и «изменение» отражают разные стороны, срезы происходящих процессов.

Поэтому представляются недостаточными попытки объяснить противоречивость развития на языке категорий «устойчивость» и «изменчивость»¹⁶ или их конкретизации — «устойчивой формы» и «изменчивого содержания» какого-либо вида материи¹⁷. Не следует также искусственно углублять понятие «изменение». Так, В. И. Столяров предлагает различать два вида изменения, присущих любому случаю: смену состояний и превращение одного состояния, качества в другое состояние, качество¹⁸. При этом одно понятие («возникновение») подменяется другим понятием («превращение»), в результате чего мы теряем специфику рождения нового. В литературе уже отмечалась неправомерность такой интерпретации понятия «изменение»¹⁹.

Понятие «снятие» «означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец*»²⁰. Категории «снятие» и «возникновение» тождественны в том смысле, что обе означают сохранение содержания, однако, если снятие указывает на момент прекращения существования, то возникновение говорит о появлении нового содержания. Понятие «уничтожение» тождественно понятию «снятие» в том отношении, что оно указывает на исчезновение нечего, но если снятие обозначает процесс роста содержания, усложнение, то уничтожение свидетельствует об обратном процессе. Здесь сохранение выступает как результат распада. Термин «снятие» для данного процесса неприменим. Было бы неверным определять изменчивость через категорию «снятие»²¹, поскольку последняя отражает не любые изменения, а лишь те, которые характерны для прогрессивного развития.

Довольно часто понятие «возникновение» неявно растворяется в понятии «отрицание», но их содержания, обладая тождеством, также различны. Под отрицанием понимается такое уничтожение вещи, когда «положительное содержание» ее включается и подчиняется другой вещи. Отрицание и возникновение тождественны, так как выражают момент сохранения, удержания некоторого содержания. Но понятие «возникновение» в качестве своей сущностной характеристики включает значение *рождения*, появления нового. Отрицание предполагает возникновение, но ничего о нем не говорит, не характеризует его, не имеет значения рождения. Унич-

¹⁶ См.: В. И. Свидерский. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965, с. 161.

¹⁷ См.: Л. И. Шекина. Понятия «движение» и «развитие» и их роль в изучении физических процессов. М., 1970, с. 86; В. Д. Морозов. Проблема развития в философии и естествознании. Минск, 1969, с. 7—8.

¹⁸ См.: В. И. Столяров. Процесс изменения и его познание. М., 1965, с. 28.

¹⁹ См.: В. И. Плотноков. Причинность и генетическая связь. — В сб.: Категории причинности в диалектической концепции связи. Свердловск, 1974, с. 65—66.

²⁰ Гегель. Наука логики, т. 1, с. 168.

²¹ См.: А. Р. Просмушкин. Диалектика устойчивости и изменчивости в развитии органической материи. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1974, с. 8.

тожению и отрицанию присущ момент исчезновения, потери бытия предмета, однако отрицание ничего не говорит о результате исчезновения, оно лишь фиксирует этот факт. Уничтожение же указывает на то, что в результате исчезновения *сохранилось и появилось нечто*.

Переход одного качества в другое может происходить различным образом в зависимости от характера явления и тех условий, в которых оно находится. Для выделения самого факта перерыва постепенности и его форм служит понятие скачка. В этом отношении оно тождественно возникновению (уничтожению), которое также служит для обозначения перерыва постепенности, указания на границу. Но возникновение характеризует сущность развития, указывает на закономерности рождения нового, скачок же характеризует форму протекания процесса рождения, перехода (постепенную или внезапную, со «взрывом» или без него, поверхностную или коренную).

Полное раскрытие содержания понятия «возникновение» («уничтожение») становится возможным лишь в результате выявления многообразия его связей с другими категориями. Однако уже приведенное сопоставление показывает, что это понятие выражает одну из существенных сторон процесса развития. Дальнейшее исследование противоречивости возникновения представляет собой необходимое звено в познании объективной диалектики.

А. А. Кондратьев, Н. И. Савцова

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ

Диалектическая концепция развития предполагает единство и стадийность развития, его непрерывно-прерывный характер, необратимость и обратимость. Для понимания этих аспектов развития важно раскрыть их связь с противоречием преемственности и отрицания в развитии¹. В данной статье мы ограничимся анализом связи преемственности с закономерностью развития и с обратимостью в развитии.

Характерной особенностью развития как процесса необратимых качественных изменений является его стадийность. Если, например, рассматривать природу в целом, то качественные ступени развития могут быть представлены неорганическим миром, живой природой и человеческим обществом. Если же рассматривать неживую природу как целое, то ступенями в ее развитии выступают различные виды неорганической материи и т. д. В содержание понятия ступени (стадии) развития включаются, в частности, такие его моменты, как результат развития; мера, узловый пункт развития, в котором количественные изменения приводят к коренным качественным изменениям; процесс развития, выраженный в законе (законах).

«Форма всеобщности в природе — это закон...»². Закон есть «существенное отношение, существенная связь, которая характеризует необходимое в ряду повторяющихся процессов, т. е. необходимое и общее в них»³. Из философского определения закона следует, что он выражает повторяемость как воспроизведение общих и необходимых связей в явлениях. При этом воспроизведение сущности — главное для характеристики повторяемости в действии законов.

На примере химической реакции Ф. Энгельс следующим образом охарактеризовал повторяемость в действии законов природы и воспроизведение их сущности: «Мы знаем, что хлор и водород под

¹ См.: Б. М. Кедров. О повторяемости в процессе развития. М., 1961; Г. М. Домрачев, С. Ф. Ефимов, А. В. Тимофеева. Закон отрицания отрицания. М., 1961; М. П. Полесовой. Проблема повторяемости в философии и естествознании. Горький, 1970; и др.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 549.

³ М. Н. Руткевич. Диалектический материализм. М., 1959, с. 575.

действием света соединяются при известных условиях температуры и давления в хлористоводородный газ, давая взрыв; а раз мы это знаем, то мы знаем также, что это происходит *всегда* и *повсюду*, где имеются налицо вышеуказанные условия, и совершенно безразлично, произойдет ли это один раз или повторится миллионы раз и на скольких небесных телах»⁴.

Сущность законов всегда воспроизводится при достижении системами соответствующей ступени развития. Можно сказать, что преемственная связь ступеней развития выражается в единстве законов развития, служит основой повторяемости процессов, выраженных в законах.

Существенные признаки и связи передаются от одной качественно определенной ступени развития к другой, но в несколько преобразованном виде. От данной формы преемственности, следовательно, исходит тенденция сохранения устойчивости общей основы системы и ее законов.

Так, общую основу жизни общества в целом составляет материальное производство, выраженное в способе производства материальных благ, над которым возвышается базис и надстройка. Эти социальные атрибуты и их закономерности присущи всем общественно-экономическим формациям, но в каждой из них они имеют свою форму проявления, так как общество развивается поступательно и его социальные атрибуты, совершенствуясь, передаются от одной общественной формации к другой, т. е. видоизменяются. Любая страна, достигнув той или иной ступени развития, повторяет в существенных чертах те характерные и необходимые признаки и закономерности, которые были свойственны странам, ранее находившимся на этой ступени развития. Как писал В. И. Ленин, «анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что общее всем им»⁵.

Действию законов всегда «сопутствуют» и такие связи и условия, которые не вытекают из их сущности, но характеризуют особенности функционирования законов на определенной ступени развития. Те или иные связи могут повторяться, могут и не повторяться. В социально-историческом процессе к ним относятся особенности в развитии отдельных стран и народов, своеобразие субъективного фактора общественного развития. Важно отметить, что несущественные, случайные связи и условия могут стать источником изменения общей основы системы и ее законов.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 549.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

Всякий закон имеет определенную сферу действия — соответствующий диапазон условий, в пределах которого он функционирует. За границей этого процесса закон перестает действовать, уступая место другому закону и, соответственно, другому процессу. Взятый в пределах своего функционирования, закон выступает как мера процесса⁶.

Мера процесса, выраженная в законе, указывает на зависимость функционирования законов от условий. Несмотря на то, что сущность в действии законов всегда воспроизводится, она подвержена изменению. «...Не только явления преходящи, подвижны, текучи... но и *сущности* вещей также»⁷.

Если бы в действии законов точно воспроизводилась сущность систем, то никакого развития не было бы, невозможен был бы выход систем за пределы меры и появление иной качественной определенности с присущей ей мерой и законами — переход на иную ступень развития.

По мере развития системы изменяются условия ее существования, в результате одни связи ослабевают, другие усиливаются, третьи исчезают и т. д., а это оказывает определенное воздействие на изменение сущности системы, что находит выражение в расширении или «свертывании» меры действия ее законов и говорит о необратимом характере изменений системы.

Категории обратимости и необратимости позволяют глубже понять противоречивость развития, преемственность в развитии, условия, в которых осуществляется развитие⁸. Преемственность процессов в рамках одной или разных ступеней развития проявляется в различных формах единства обратимости и необратимости.

Необратимость в историческом движении выражает тенденцию, связанную с выходом за рамки данного уровня организации, «невозможность полного возврата в прежнее состояние тем же или иным путем, появление принципиально нового порядка явлений»⁹. Обратимость в историческом движении связана с сохранением данного уровня организации, с воспроизведением существовавшего порядка явлений, с возможностью возврата в прежнее состояние после некоторых изменений.

Применительно к общественному развитию обратимость и необратимость являются универсальными характеристиками развития. Характеризуя необратимость и обратимость как две стороны противоречивого отношения в развитии, следует подчеркнуть диалектическую связь между ними. Необратимость содержит в себе обратимость и сама является стороной обратимых

⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 111.

⁷ Там же, с. 227.

⁸ См.: А. Н. Чистозвонов. Понятие обратимости и необратимости исторического процесса. — «Вопросы истории», 1969, № 5.

⁹ И. Я. Лойфман. Принципы физики и философские категории. Свердловск, 1973, с. 123.

процессов. В связи с этим обратимость всегда является не просто механическим повторением одних и тех же явлений, а воспроизведением изменяющихся условий существования и функционирования общества.

Какие же факторы и в какой сфере общественной деятельности людей могут служить основными, определяющими для формирования той или иной тенденции в общественном развитии? Прежде всего, факторы, связанные с материальными условиями жизни общества, с изменениями, которые происходят в материальном базисе. Их можно подразделить на постоянно действующие и возникающие в конкретный исторический период. Постоянно действующими являются факторы, обеспечивающие воспроизводство конкретного исторического базиса, где обратимость и необратимость характеризуют качественное содержание определенных, присущих данной экономической формации процессов, происходящих в основании общества. Несмотря на то, что обратимость никогда не является абсолютным повторением прежнего состояния, в условиях одной общественно-экономической формации обратимые процессы являются основой ее стабильности, тенденцией, сохраняющей определенный, специфический характер общественной формации. Так, в условиях первобытного общества обратимость обусловлена единством производственных процессов и совместной собственностью на главное средство производства (землю, пастбища, промысловые угодья), единством родовых, позднее — территориально-соседских связей. Указанные черты общественного производства первобытного общества являются устойчивыми у разных народов¹⁰. Они отражают определенное сходство социальных условий как проявление общей закономерности в границах одной общественно-экономической формации. Сходство в характере орудий производства, их стабильность — свидетельство определенного уровня практической деятельности людей, который довольно продолжительное время воспроизводится без существенных изменений. «Стабильность ручного рубила, как и стабильность более поздних палеолитических орудий, свидетельствует о какой-то пока лишь констатируемой нами извне функциональной монотонности трудовых процессов, о какой-то уже установившейся, если можно так выразиться, технологии труда, о разработанном режиме и определенных приемах трудовых операций»¹¹. Обратимость является здесь условием необратимости тех прогрессивных изменений, которые происходили в сфере материальной культуры и в человеческом обществе в целом.

Более сложной формой единства обратимости и необратимости являются процессы перехода от одной общественно-экономиче-

¹⁰ См.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968; А. М. Хазанов. Община в разлагающихся первобытных обществах. — «Вестник древней истории», 1975, № 4, с. 11.

¹¹ В. П. Алексеев. Возникновение человека и общества. — В сб.: Первобытное общество. М., 1975, с. 26.

ской формации к другой, когда складываются новые общественно-экономические условия, обеспечивающие более высокий уровень социально-исторического развития.

Здесь преемственность в развитии очень тесно связана с направленностью развития общественных процессов, с возможностью возврата старого социального порядка. Именно в этих условиях мы фиксируем наличие прогрессивных и регрессивных тенденций в состоянии общественной системы, причины, по которым может возобладать одна из них. В. И. Ленин в плане брошюры «О продовольственном налоге», характеризуя наличие в экономике Советской России тенденций к возврату капитализма, отметил: «Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля *его* в местном обороте. Если не электрификация, *все равно* неизбежен возврат к капитализму»¹².

Учет диалектики обратимых и необратимых тенденций в социально-историческом процессе, как показывает В. И. Ленин, имеет практическое значение, подсказывает соответствующие социальные действия в отношении определенных общественных тенденций.

Мы попытались в общих чертах рассмотреть связь преемственности и закономерности в историческом процессе. Следует подчеркнуть, что, являясь формой проявления более общего противоречия развития — преемственности и отрицания, обратимость и необратимость, при учете их специфики на конкретном уровне развития, характеризуют особенности действия законов развития, особенности смены одних законов развития другими.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 382.

ОТРИЦАНИЕ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ (ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Движение и развитие материальной действительности и отражающей ее мысли, несомненно, существует. Несомненно также и то, что движение и развитие есть противоречие. Однако сказать, что движение есть логическое противоречие, было бы, на наш взгляд, уже неверно, ибо это означало бы принятие идеалистической концепции тождества бытия и мышления. Неверным является и положение о том, что истинное отражение движения в мысли есть классическое формально-логическое противоречие. Приняв это положение, мы, по сути дела, метафизически противопоставляем диалектику формальной логике и, следовательно, изменяем самой диалектике. Истинное отражение движения в мысли должно быть формально-логически непротиворечивым¹. В. И. Ленин в своей работе «О карикатуре на марксизм» писал, что «логической противоречивости», — при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть»². Он подчеркивал, что «всякий анализ не допускает «логической противоречивости»»³. Логическую противоречивость В. И. Ленин понимал как противоречивость формально-логическую. Поэтому, не без основания ссылаясь на классиков марксизма, большинство исследователей полагает, что высказывание «качественная определенность явлений в процессе развития и изменяется, и не изменяется» не является формально-логическим противоречием. Мы согласны с этим положением, однако считаем, что необходимо сделать некоторые оговорки и уточнения. Если в приведенном высказывании частица «не» и предлог «и» означают соответственно операции отрицания и конъюнкции в том смысле, в котором они употребляются в классической формальной логике, то рассматриваемое высказы-

¹ В связи с этим большой интерес представляет, на наш взгляд, формально-логически непротиворечивая система «логики направленности» Л. С. Роговского, специально предназначенная для отображения диалектической противоречивости процессов изменения, движения, развития, возникновения и уничтожения. См.: *L. S. Rogowski. Logica kierunku a heglowska teza o sprzeczności zmiany*. Toruń, 1964.

² В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 91.

³ Там же.

вание является все же формально-логическим противоречием, ибо подходит под его определение. В этом случае считать рассматриваемое высказывание истинным, на наш взгляд, неправомерно. Другое дело, если частица «не» или частица «и» обозначают такие операции «отрицание» или «конъюнкция», логические свойства которых не совпадают с логическими свойствами этих операций в их классическом варианте. В этом случае на уровне естественного языка мы имеем то же самое выражение «и А и не А». Однако частица «не» и союз «и» не являются здесь выражением соответственно классического отрицания и классической конъюнкции. По крайней мере, одна из этих операций в данном выражении имеет свойства, отличные от свойств соответствующих классических операций и, следовательно, рассматриваемое высказывание не является формально-логическим противоречием. То, что в естественном языке и классические и неклассические операции «отрицание» выражаются одной и той же частицей «не», обусловлено бедностью выразительных средств естественного языка. В нем нет нескольких отрицательных частиц для выражения различных по своим логическим свойствам операций «отрицание». Отрицание в этом смысле не является исключением. Для выражения различия между строгой и слабой дизъюнкцией, например, в естественном языке тоже нет средств. Поскольку же эти две логически различные связки выражаются в естественном языке одним и тем же грамматическим союзом «либо (или)», постольку и возникает возможность их смешения и появления на этой основе парадоксов⁴.

Аналогичным образом парадоксы могут возникнуть при отождествлении различных смыслов понятия «отрицание». Отождествление это происходит из-за того, что на уровне естественного языка различные по смыслу операции «отрицание» выражаются одной и той же грамматической частицей «не». Однако отрицания, выражаемые в естественном языке этой единственной отрицательной частицей, очень часто имеют различный смысл и существенно отличаются по своим логическим свойствам. Классики марксизма, например, рассуждая о развитии, вкладывали в понятие «отрицание» по крайней мере два различных смысла, постоянно подчеркивая различие между «диалектическим отрицанием» и «формальным («зряшным») отрицанием»⁵.

Чтобы пояснить свою мысль, рассмотрим отношение закона «отрицания отрицания» в диалектике к «закону отрицания отрицания» в классической формальной логике. Первый закон гласит, что отрицание отрицания тезиса не равносильно тезису, а второй закон говорит, что отрицание отрицания тезиса равносильно тезису. Антиномия-противоречие налицо! Рассмотрим ее подроб-

⁴ См.: Д. П. Горский. Логика. М., 1958, с. 206; Н. И. Кондаков. Логический словарь-справочник. М., 1975, с. 508.

⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 640; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

нее и попытаемся разрешить путем уточнения понятия «отрицание».

Диалектика полагает, что всякое явление в процессе своего развития подвергается диалектическому отрицанию, переходит в свою противоположность. Это есть истина. Однако это абстрактная истина, нуждающаяся в конкретизации. Сказав, что « A_0 » перешло в «не A_0 », мы не даем еще конкретного описания процесса развития. Совершенно неопределенно, неясно при этом, что является по отношению к « A_0 » диалектической противоположностью (отрицанием). То ли это « A_{-1} », породившее « A_0 » как свою противоположность, то ли это « A_{+1} », в которое как в свою противоположность перешло « A_0 ». Ведь и « A_{-1} » и « A_{+1} » является «не A_0 ».

Тем не менее различие, существующее между переходом от « A_0 » к « A_{+1} » и переходом от « A_0 » к « A_{-1} », для адекватного описания диалектики развития очень существенно. Первый переход есть переход « A » в новое состояние, а второй — возврат в старое состояние».

Для классической логической операции «отрицание» несущественно различие между «еще не A_0 » и «уже не A_0 ». Она абстрагируется от этого различия. И это понятно. Классическое отрицание является одной из операций формальной логики, которая в принципе абстрагируется от развития и движения. Поэтому слова «уже», «еще», и т. п., характеризующие изменение, в смысл формально-логического отрицания включаться не должны. Тем не менее для более конкретного и адекватного описания процессов развития, движения и диалектического отрицания возникает необходимость в некотором уточнении, конкретизации имеющихся логических средств. На недостаточность единой (классической) операции «отрицание» для адекватного выражения различия оттенков смысла и способов употребления, отрицательных высказываний в содержательных рассуждениях и на необходимость введения в логику различных операций «отрицание», каждая из которых имела бы свою определенную область применения, указывают многие авторы⁶.

Попробуем с этой целью уточнить логическую операцию «отрицание». Пусть ряд ... A_{-1} , A_0 , A_{+1} , A_{+2} ... есть исторически упорядоченная совокупность этапов развития явления « A ». На множестве « A_i » можно ввести две различные операции «отрицание»: «отрица-

⁶ См. напр.: А. Д. Гетманова. Отрицание в системах формальной логики. М., 1972; И. Н. Бродский. Отрицательные высказывания. Л., 1973; А. А. Зиновьев. Комплексная логика. М., 1970; Основы логической теории научных знаний, М., 1967; А. К. Манеев. Философский анализ антиномий науки. Минск, 1974; В. В. Мустафин. Отрицание в структуре познавательного диалектического противоречия. — В сб.: Структурный анализ диалектического противоречия. Свердловск, 1975; E. L. Post. Introduction to a General Theory of Elementary Propositions. — "American journal of Mathematics", 1921, vol. 43, N. 3; H. Reichenbach. Philosophic Foundations of Quantum Mechanics. Berkeley and Los Angeles, 1946; L. S. Rogowski, Sens logiczny heglowskiej koncepcji sprzeczności zmiany ruchu. — "Studia filozoficzne", 1961, N 6 (27); B. V. Sesic. Logic of change. Bologna, 1972.

ние продуктивное» и «отрицание репродуктивное». Возможно, что названия вводимых нами операций выбраны не совсем удачно, однако более подходящих мы не нашли. Выбирая названия, мы исходили из того, что различие между формальным («зряшным») отрицанием и отрицанием диалектическим, имеющим место в процессе развития, существует не только в действительности, но и в отражающей ее мысли. Классическое формально-логическое отрицание отражает просто отсутствие некоторого явления, которое может быть не только результатом развития, но и результатом механического уничтожения. Продуктивным отрицанием явления « A_1 » мы называем новое по сравнению с ним и исторически непосредственно следующее за ним явление « A_{1+1} ». В свою очередь, репродуктивным отрицанием явления « A_1 » мы называем старое по сравнению с ним и исторически непосредственно предшествующее ему явление « A_{1-1} ». В соответствии с данными определениями, « A_{-1} » есть репродуктивное отрицание явления « A_0 », а « A_{+1} » есть продуктивное отрицание « A_0 ». В обычном разговорном языке продуктивное и репродуктивное отрицания явления « A_0 » выразятся соответственно как «уже не A_0 » и «еще не A_0 ». Мы же будем обозначать продуктивное отрицание « A_0 » как « $ПА_0$ », а репродуктивное отрицание « A_0 » как « $РА_0$ ». Таким образом, « A_0 » есть «еще не A_{+1} , но уже не A_{-1} ». В свою очередь, « A_{-1} » есть «еще не A_0 », в то время как « A_{+1} » есть «уже не A_0 ». Ряд « A_1 » предстает теперь перед нами в следующем виде:
 ... $РРА_0$ $РА_0$ A_0 $ПА_0$ $ППА_0$...
 ... A_{-2} A_{-1} A_0 A_{+1} A_{+2} ...

Нетрудно заметить, что в полном соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания, двойное продуктивное отрицание (отрицание отрицания) « A_0 » не тождественно « A_0 » и, более того, прогрессивнее как « A_0 », так и его первого отрицания « $ПА_0$ ». Если же оставаться в рамках классической формально-логической трактовки отрицания как единой операции, то мы получим антиномию-проблему: с одной стороны, диалектика говорит, что отрицание отрицания « A » не равно « A », с другой стороны формальная логика говорит, что отрицание отрицания « A » равно « A ». Наше разрешение данной антиномии-проблемы заключается в том, что отрицание « $П$ » и « $Р$ » в формулировке диалектического закона отрицания отрицания и отрицание « N » в формулировке формально-логического закона « $NNA=A$ », существенно различны и соотносятся так, что: $(ПА)C(NA)$, $(РА)C(NA)$, $N((ПА)=(РА))$, где « C » означает импликацию в ее классическом смысле. В соответствии с формальной логикой по отношению к высказыванию «Иванов — юноша» отрицанием будет высказывание «Иванов — не юноша». Никакого процесса развития в этом отрицании не выражено. Есть лишь результат. В соответствии же с предложенным нами различием продуктивного и репродуктивного отрицаний суждение «Иванов — юноша» (A) имеет два качественно различных отрицания, а именно: «Иванов еще не юноша» ($РА$) и

«Иванов уже не юноша» (ПА). Высказывания (РА), (А) и (ПА) оказались, таким образом, упорядочены во времени процессом возрастного развития Иванова. По приведенному ряду «А₁» нетрудно заметить, что соотношение между продуктивным и репродуктивным отрицаниями суждения «А» таково, что $\text{ПРА} = \text{РПА} = \text{А}$. В нашем конкретном примере это соотношение интерпретируется так: суждение «Уже не верно, что Иванов еще не юноша» логически равносильно суждению «Иванов — юноша». Или иначе: суждение «Еще не верно, что Иванов уже не юноша» логически равносильно суждению «Иванов — юноша». А вот суждение «Уже не верно, что Иванов уже не юноша» логически не равносильно суждению «Иванов — юноша» (т. е. $N((\text{ППА}) = (А))$), ибо процесс возрастного развития потому и является процессом развития, что представляет собой необратимое качественное изменение. Если процесс возрастного развития Иванова представить как исторически упорядоченную последовательность этапов (детство, юношество, зрелость, старость), то суждение «Иванов уже не юноша» будет эквивалентно суждению «Иванов — зрелый мужчина». В свою очередь, суждение «Иванов уже не является зрелым мужчиной» эквивалентно суждению «Иванов — старик». Поэтому суждение «Уже не верно, что Иванов уже не юноша» оказывается логически равносильно суждению «Иванов — старик», а не суждению «Иванов — юноша». Продуктивное отрицание отрицания суждения «А» не тождественно суждению «А» в полном соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания.

ЗАВЕРШЕННОСТЬ КАК ЧЕРТА РАЗВИТИЯ

При разработке системы категорий диалектики необходимо решать наряду с вопросом о правомерности введения в систему некоторых новых категорий из числа так называемых общенаучных понятий также вопрос о том, все ли взято из старого диалектического наследия, не упущены ли отдельные категории, использование которых имеет существенное значение для понимания диалектики.

К таким понятиям относится «завершенность». Как категория диалектики она нигде не рассматривалась. Но без этой категории, по нашему мнению, нельзя иметь диалектического учения о развитии. Если мы отбрасываем «дурную» бесконечность, то истолковывать бесконечность диалектически можно лишь с помощью понятия «завершенность». Далеко не случайно Ф. Энгельс писал, что диалектика процесса завершается в круговороте¹.

Проблему завершенности в домарксистской философии наиболее глубоко решал Гегель. Это понятно, если учесть, какое место в его диалектике занимает критика «дурной» бесконечности и особенно закон отрицания отрицания, с которыми понятие завершенности связано органически.

В «Науке логики», в отделе «Бытие» Гегель дает диалектическое решение вопроса о конечном и бесконечном. Уже здесь мы находим и проблему завершенности. Всякое наличное бытие, нечто есть конечное бытие, поскольку оно является определенным, стало быть, имеющим предел, границу. Последняя лежит в нем самом, она есть другое его самого. Нечто как соотносящееся с собой есть бытие в себе, нечто как соотносящееся с другим есть бытие для другого. Всякое нечто является незавершенным и конечным постольку, поскольку оно лишь в-себе и для-другого. Оно есть и бытие и инобытие (свое другое бытие). Отношение между бытием и инобытием приводит к противоречию, которое разрешается уничтожением данного нечего. На место его встает новое нечто и противоречие снова полагается.

Является ли этот процесс бесконечным? С точки зрения Гегеля, это «дурная» бесконечность, неистинная, или, точнее: такое пони-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 430.

мание является относительной истиной, отражающей лишь определенный этап развития. Диалектика требует дополнить это понимание (которое не отбрасывается вообще) другим, включающим понятия истинной бесконечности и завершенности. Это вытекает из признания закона отрицания отрицания. Без указанных понятий мы должны были бы представить развитие как простое чередование состояний, «блуждание от качества к качеству» (Гегель), а понятия начала и конца потеряли бы всякий смысл.

«Конечный? значит, *двигающийся к концу!*»². Нередко конец развития понимают только в смысле исчезновения предмета. Но следует понимать его и как состояние внутренней исчерпанности стимулов к развитию, как завершенность последнего в рамках данного предмета. При этом в зависимости от характера предмета следует говорить об относительной либо об абсолютной завершенности.

Применять категорию завершенности ко всему мирозданию — значит стоять на религиозно-идеалистической позиции. Именно с этим связаны эсхатологические мотивы в религии и идеализме. Гегель как идеалист применял завершенность ко всему миру. Но если мир в целом развивается так, как это характеризуется понятием «дурной» бесконечности, то отдельный предмет развивается *не только так*, и это Гегель, будучи диалектиком, понял верно.

Развивая диалектическую догадку Спинозы насчет двоякого смысла «бесконечного» («бесконечно многое», а также «*в себе и для себя бесконечное*»), Гегель писал: «Это — дурная бесконечность, когда говорят «и так далее до бесконечности» — таковой бесконечностью, например, является бесконечное расстояние от одной звезды до другой, и точно так же бесконечность времени. То же самое представляют собою бесконечные ряды чисел в математике... Но для Спинозы бесконечным является не это полагание и выхождение за пределы полагания... а абсолютная бесконечность, положительное, в котором наличествует завершенное абсолютное множество без потустороннего. Философскую бесконечность... Спиноза поэтому называет абсолютным утверждением самого себя. Совершенно правильно! Но это можно было бы выразить лучше, сказав «оно есть отрицание отрицания»³.

В этом смысле Гегель пишет: «Природа самого конечного в том и состоит, чтобы выходить за себя, отрицать свое отрицание и становиться бесконечным»⁴. Бесконечное понимается здесь как такое состояние предмета, к которому предмет пришел в результате преодоления своих односторонностей, своей ограниченности. В этом состоянии бытие предмета есть, по определению Гегеля,

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 98—99.

³ Гегель. Соч., т. 11. М., 1935, с. 288—289.

⁴ Гегель. Соч., т. 5, с. 137.

«для себя бытие», т. е. «завершенное качество», «качество, доведшее себя в для-себя-бытии до последнего заострения...»⁵.

Как видно, Гегель считал завершенность существенным моментом развития, хотя категориального анализа ее мы у него не находим. Антимарксисты обвиняют марксизм в «криптогегельянстве». Нам кажется, что лучшим ответом на подобные измышления будет не отказ от гегелевского «инструментария», а его материалистическое использование. Можно ли все-таки рассматривать завершенность как диалектическую категорию? По нашему мнению, достаточным критерием философского характера какого-либо понятия является его всеобщность, под которой следует понимать то, что понятие отражает нечто реальное, «имеет силу» во всех сферах бытия и во всех сферах субъектно-объектного отношения. При этом нужно сделать такое уточнение: когда мы с помощью указанного критерия «испытываем» понятие на всеобщность, мы должны брать не любой факт, а процесс развития, притом происходящий *нормально*. Хотя это требование справедливо для анализа всех категорий и законов, особенно важно оно для понимания закона отрицания отрицания и понятия завершенности.

Вполне очевидно, что всеобщность «завершенности» и тем самым ее философско-категориальная природа может быть доказана на основе таких процессов, которые развивались нормально и достигли как раз завершенности. При ненормальном, искаженном какими-либо причинами процессе, развитие обрывается и не имеет диалектического завершения.

К процессу развития, взятому в его общем виде, так сказать, к его траектории, относятся такие категории, как «становление», «начало», «отрицание отрицания». Отражает ли «отрицание отрицания» достаточно полно конечную стадию развития предмета, прежде чем он, как конечный, исчезнет? До своего исчезновения, при нормальном развитии предмет достигает полного выявления своих возможностей, преодолев свои односторонности, ограниченности. В понятии «отрицание отрицания», несомненно, содержится данная черта развития на конечном этапе, но неявно. Понятие завершенности выражает ее более прямо.

Процесс развития есть смена качественных состояний. Но это не «блуждание от качества к качеству». При нормальном развитии здесь проявляется определенная направленность процесса. Чем она определяется и в чем выражается? По Гегелю, сущность определяет развитие в том смысле, что она требует наиболее адекватного себе существования, наиболее существенного качественного состояния. Именно при наличии последнего возникает завершенность в развитии. Наиболее совершенное состояние предмета есть и его завершенное состояние.

Это можно было бы назвать процессом «развертывания сущности», хотя в такой терминологии скрывается опасность плато-

⁵ Гегель. Соч., т. 5, с. 162.

новской (а отчасти и гегелевской) концепции предданности сущностей. Но с оговоркой насчет метафизики объективного идеализма (поскольку Гегель диалектик, поскольку он сам выступает против отрыва сущности от явления) можно принять тезис о «развертывании сущности», имея в виду, что для единичного предмета сущность как общее уже «дана» (например, для растения в виде его наследственной хромосомной структуры). Конечно, развитие индивида вносит свой вклад в изменение самой сущности, но это обнаруживается в будущем и только при взаимодействии многих индивидов, у которых наличествует нечто общее в изменении внутренней природы.

Однако для нас здесь важно не это будущее изменение сущности, а ее нынешний характер, который предмет получил от рода. И вопрос именно в том, «сумеет» ли предмет обрести такое существование, в котором сущность его получила бы максимально адекватное, полное выражение. Наличие не вполне адекватного качества делает существование неустойчивым и «гонит» его дальше. При норме развития рано или поздно возникает состояние гармонии сущности и существования (а не просто единство, которым характеризуются как заверченный, так и незавершенный предметы).

Поскольку существование здесь наиболее существенно, постольку к нему нет необходимости «прибавлять» что-либо принципиально новое. Например, если коммунистическое распределение по потребностям лучше всех других форм распределения отвечает интересам человека, соответствует сущности человека как разумного и общественного существа, то какие причины заставили бы отказаться от него, раз общество уже достигло необходимой экономической базы? Давать сверх потребностей — нелепо, а использование какого-то другого регулятора, кроме потребностей, при изобилии продуктов, хотя и возможно в силу временных обстоятельств, но было бы нарушением нормы, мы же говорим именно о нормальном развитии.

Здесь существование развито самым полным образом: во-первых, существование предметов распределения (изобилие продуктов) и, во-вторых, существование нравственности, достигшей самого высокого, истинно человеческого уровня. Именно в таком существовании все стороны сущности человека находят наилучшее выражение.

Необходимо, однако, указать еще на один признак заверщенного бытия. Он выражен словами Спинозы о «причине самого себя». Завершенное бытие само создает себе предпосылки существования и развития, тогда как незавершенное бытие имеет предпосылки не только в себе, но и в другом. Поэтому при завершенности общее диалектическое единство причины и следствия приобретает специфический характер: причина и следствие совпадают здесь в более узком, непосредственном значении. Так, при полном коммунизме новые формы бытия как следствие являются *по сущ-*

ности таким же коммунистическим бытием, как и те, что были их причиной. В этом аспекте понятно различие, которое приводит К. Маркс в «Критике Готской программы», между социализмом, развившимся не на своей собственной основе, и коммунизмом.

По нашему мнению, завершенность развития может быть относительной и абсолютной. Если, например, мы берем познание в целом, то здесь можно говорить лишь о частичном, относительном завершении. В то же время отдельное знание может приобретать характер полной завершенности. Например, физика в целом никогда не достигнет окончательной завершенности в силу неисчерпаемости природы, но отдельные элементы физического знания со стороны сущности можно характеризовать как полностью завершенные. Как пример завершенности в познании Гегель приводит геометрию Эвклида, которую можно «рассматривать как нечто законченное и неспособное больше иметь историю». В самом деле, хотя она и была дополнена новыми геометриями, имеющими силу для пространств с другими, неевклидовыми свойствами, сама по себе, в сущности, она осталась неизменной. Ф. Энгельс, анализируя становление и развитие закона превращения и сохранения энергии, когда от единичности через особенное дошли до суждения всеобщности, делает вывод: «Дойдя до этой формы, закон достиг своего *последнего* (подчеркнуто мной.— Э.С.) выражения. Посредством новых открытий мы можем доставить ему новые подтверждения, дать ему новое, более богатое содержание. Но к самому закону, как он здесь выражен, мы не можем прибавить больше ничего. В своей всеобщности, в которой и форма и содержание одинаково всеобщи, он не способен ни к какому дальнейшему расширению: он есть абсолютный закон природы»⁶.

В другом месте Ф. Энгельс обобщает: «всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем. Но форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности»⁷.

В заключение хотелось бы сказать, что проблема завершенности развития нуждается в дальнейшем рассмотрении. Несомненно, она актуальна и с идейно-политической точки зрения, если учесть, что консерватизм диалектического понимания относительно, а его революционный характер абсолютен⁸.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 540.

⁷ Там же, с. 548.

⁸ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 275—276.

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Плотников. Сущность развития как методологическая проблема	3
И. Я. Лойфман. Развитие как базисная категория диалектики . . .	13
Д. В. Пивоваров. Операциональный аспект категории развития . .	19
Л. П. Туркин. Развитие как процесс обновления материи	24
В. П. Стадник. Развитие, функционирование, круговорот	32
Г. И. Бондарев. О противоречиях функционирования и развития . .	44
А. Н. Аверин, Л. М. Андрияшина. Развитие и рост	52
В. В. Байлук. Детерминация развития	60
В. В. Скоробогацкий. Необходимость и случайность в развитии . .	66
С. Б. Цымбаленко. Вариантность развития	71
Ю. С. Вяткин. Системная обусловленность развития	79
А. Ф. Коломойцев. Диалектика возникновения и уничтожения в процессе развития	85
А. А. Кондратьев, Н. И. Савцова. Преемственность в развитии . .	93
В. О. Лобовиков. Отрицание в процессе развития (логический аспект)	98
Э. М. Сятников. Завершенность как черта развития	103

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

ДИАЛЕКТИКА ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ

Редактор *Е. Ф. Шамес*
 Технический редактор *Э. А. Максимова*
 Корректор *А. П. Рычкова*

Сдано в набор 24/V 1976 г. Подписано к печати 6/XII 1976 г. НС 36041. Объем усл.-печ. л. 6,75. Уч.-изд. л. 6,7. Формат 60×90/16. Бумага типографская № 3. Тираж 600 экз. Заказ 303. Цена 70 коп.

Уральский ордена Трудового Красного Знамени
 государственный университет имени А. М. Горького.
 Свердловск, проспект Ленина, 51.

Типография издательства «Уральский рабочий»
 Свердловск, проспект Ленина, 49